

РАЗБОРЪ МНѢНІЙ

О ШЕСТИДНЕВНОМЪ ТВОРЕНІИ.*

Не говоря о малой основательности предположенія о тѣлесной природѣ ангеловъ, мы должны еще обратить вниманіе на то обстоятельство, что еслибъ оно было оправдливо, еслибы слѣдовательно оно было въ то же время и общецерковнымъ ученіемъ,—по крайней мѣрѣ подразумеваемымъ церковью, если не высказываемымъ ею прямо, то въ нѣкоторыхъ пунктахъ ея ученія произошла бы какая-то запутанность, и мы должны бы были обвинить ее или въ противорѣчіи съ собою, или въ непослѣдовательности, съ чѣмъ довольно трудно примириться. Подобное затрудненіе яснѣе всего можетъ возникнуть при изслѣдованіи вопроса о существѣ человѣческой души. По ясному ученію церкви, душа человѣка есть существо духовное, имѣющее самостоятельное существованіе, хотя въ періодъ земной жизни человѣка она и находится въ тѣсной связи съ его тѣлесной природой, которая служитъ для нея какъ бы жилищемъ. Душа такимъ образомъ по существу своему имѣетъ близкое родство съ высшимъ духовнымъ міромъ, несмотря на свое временное пребываніе въ грубомъ человѣческомъ тѣлѣ. Но есть ли эта духовность ея абсолютная, чуждая всякой тѣлесности, или

* См. июльскую кн. „Прав. Обзор.“.

же она имѣетъ только относительный характеръ,—въ сравненіи съ чувственнымъ міромъ—и потому не исключаетъ нѣкоторой тѣлесности,—хотя бы самой тончайшей,—такой напримѣръ, какая усвоится ангеламъ? Если, съ одной стороны, придать значеніе тому доводу, что всякое сотворенное бытіе мыслимо только въ границахъ пространства и времени,—слѣдовательно, какъ одаренное тѣломъ, а съ другой стороны, если принять во вниманіе близкое родство человѣческой души съ духовнымъ міромъ, то логическая послѣдовательность необходимо побуждаетъ склониться на сторону втораго утвержденія, т.-е. заставляетъ признать въ нашей душѣ какую-либо тѣлесность. Но здѣсь-то и возникаютъ различныя недоумѣнія при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ пунктовъ церковнаго ученія о душѣ. Прежде всего нужно обратить вниманіе на то, что по ученію Священнаго Писанія, подробно раскрытому въ сочиненіяхъ многихъ отцевъ Церкви, Богъ создалъ человѣка по образу и по подобию Своему. Этотъ образъ и подобіе Божіе конечно нужно искать главнымъ образомъ въ душѣ, какъ важнѣйшей и благороднѣйшей сторонѣ человѣческаго существа, въ чемъ согласны воѣ христіанскіе богословы. Но образомъ и подобіемъ Бога, какъ существа чисто духовнаго, можетъ быть также только духовное существо, хотя бы оно было ограниченнымъ по своей природѣ. Между тѣмъ тѣлесность, какъ бы ни была она тонка, эфирна и духовна, все-таки останется тѣлесностью,—чѣмъ-то существенно отличнымъ и даже прямо противоположнымъ духу, принадлежащему совершенно къ иной области бытія. Какъ же послѣ этого душа человѣческая можетъ носить въ себѣ образъ и подобіе Божіе, будучи противоположна Богу, какъ тѣло—существу чисто духовному? Между предметами или существами подобными немыслима никакая противоположность.

Другое недоумѣвіе, вызываемое признаніемъ тѣлесной природы души, касается загробнаго существованія ея. Какъ бы ни была опять тонка и эфирна тѣлесная субстанція, все-таки, какъ такая, она можетъ существовать только въ извѣстномъ пространствѣ (что собственно и побудило Курца приписать ангеламъ тѣлесную природу), должна ограничиваться извѣстными предѣлами и слѣдовательно занимать какое-либо *опредѣленное мѣсто* въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Этотъ законъ конечно дол-

женъ быть приложенъ и къ человѣческой душѣ, насколько ей приписывается тѣлесная природа. По аналогіи съ извѣстными намъ тѣлесными существами мы имѣемъ право предполагать, что и душа нуждается въ какомъ-либо тѣлесномъ жилищѣ, хотя бы по тонкости своей соответствующемъ ея собственной природѣ. Этого мы тѣмъ болѣе въ правѣ требовать, что такое жилище признано необходимымъ и для высшихъ духовныхъ существъ. Періодъ земной жизни человѣка относительно этого пункта не можетъ возбудить никакого недоумѣнія, такъ какъ въ это время въ качествѣ жилища души является человѣческое тѣло и въ обширномъ смыслѣ вся земля. Что же касается того періода, который наступаетъ для каждаго человѣка послѣ отдѣленія души его отъ тѣла, то здѣсь вопросъ о жилищѣ души не такъ легко можетъ найти для себя разрѣшеніе. По отдѣленіи отъ земнаго, грубаго тѣла, и до того момента, когда душа, по ученію церкви, опять соединится съ воскресеннымъ и преобразованнымъ человѣческимъ тѣломъ, она продолжаетъ свое существованіе, какъ совершенно отдѣльное и самостоятельное существо, и будучи тѣлесна по самой природѣ своей, какъ мы видѣли, необходимо нуждается для своего обитанія въ какомъ-либо соответствующемъ жилищѣ. Но гдѣ же находится такое жилище? Священное Писаніе нигдѣ не говоритъ намъ о какомъ-нибудь *пространственно-протяженномъ* мѣстопребываніи, приспособленномъ для обитанія душъ до страшнаго суда, когда онѣ опять соединятся съ своими тѣлами; оно сообщаетъ только нѣкоторыя свѣдѣнія относительно состоянія ихъ въ это время, опредѣляемаго извѣстною степенью *духовной радости или страданія*. А такое молчаніе его объ упомянутомъ предметѣ можно считать яснымъ доказательствомъ того, что вовсе не существуетъ какаго-либо особаго тѣлеснаго жилища, назначеннаго Богомъ для пребыванія душъ послѣ смерти человѣка до всеобщаго суда. Если же такъ, то необходимо допустить, что души по своей природѣ и не нуждаются въ подобномъ жилищѣ, что слѣдовательно онѣ лишены всякой тѣлесности и имѣютъ чисто духовную природу. Всякое другое заключеніе поставило бы Церковь въ противорѣчіе съ самой собою: она была бы непослѣдовательна, еслибы, приписывая душѣ тѣлесность, въ то же время отрицала необходимость для нея соответствующаго жилища; непослѣдовательна даже

она была бы и въ томъ случаѣ, еслибы, отрицая абсолютную духовность въ мірѣ ангеловъ, она допускала бы такую духовность по отношенію къ душѣ человека. Но такая непоследовательность была бы неизбежна, еслибы мы признали справедливымъ, т.-е. соответствующимъ дѣйствительности рассматриваемое мнѣніе реституціонистовъ о тѣлесности міра духовнаго, потому что это мнѣніе должно бы было тогда войти, какъ догматъ и въ составъ церковнаго ученія, которое всегда сообщаетъ только истинныя познанія о предметахъ, недоступныхъ собственному изслѣдованію человека. Наконецъ какъ на новое недоумѣніе, возникающее въ рассматриваемомъ случаѣ, мы можемъ указать еще на то, что послѣ воскресенія тѣлъ душа должна была бы имѣть два совершенно одинаковыя по природѣ тѣла: одно—тонкое и эфирное, свойственное ей собственной природѣ, и другое—собственно человеческое тѣло, потерявшее послѣ воскресенія свою грубость, преобразившееся и сдѣлавшееся тонкимъ и духовнымъ, какъ учить объ этомъ церковь. Какимъ образомъ возможно такое одновременное и совмѣстное существованіе этихъ двухъ тѣлъ,—вопросъ, который едва ли могутъ разрѣшить сами защитники тѣлесности духовныхъ существъ.

Помимо этой запутанности, которая вносится разбираемымъ воззрѣніемъ въ систему церковнаго ученія,—и въ приложеніи къ самой теоріи возстановленія оно возбуждаетъ нѣкоторые вопросы, неразрѣшимость которыхъ должна послужить важнымъ возраженіемъ противъ самихъ представителей его. Въ первобытное время, говорятъ, часть ангеловъ населяла землю, и для объясненія возможности этого прибѣгаютъ къ признанію ихъ тѣлесности, дѣлающей для нихъ необходимымъ какое-либо пространственное жилище. Но, продолжаютъ dalje, послѣ того, какъ эти чистые духи отпала отъ Бога и утратили свою первоначальную святость и чистоту, они принуждены были покинуть землю, служившую имъ мѣстомъ обитанія, такъ какъ они были изгнаны съ нея Богомъ. Нѣкоторое указаніе на этотъ фактъ видятъ, между прочимъ, въ 6-мъ стихѣ посланія апостола Іуды, гдѣ говорится объ ангелахъ, „не соблювшихъ своего начальства, но оставившихъ свое жилище“ (Kurtz, Bib. und. Astr., 94 стр.). Но мы спросимъ представителей этого мнѣнія: куда же именно были изгнаны падшіе духи, и гдѣ они нашли новое мѣсто для

своего обитанія? Воздушная сфера, окружающая землю, не должна была служить имъ новымъ жилищемъ, потому что если они были изгнаны Богомъ съ земли, то значить они должны были оставить всю вообще область нашей планеты, а следовательно и атмосферу, имѣющую ближайшее отношеніе къ ней и составляющую какъ бы ея часть. Нельзя считать такимъ жилищемъ ихъ и другіе звѣздные міры, потому, что они, по мнѣнію Курца (Bib. und. Astr. 102 стр.), населены тѣми ангелами, которые устояли въ союзѣ съ Богомъ. Или можетъ быть послѣ своего паденія они уже не имѣли никакого особаго соотвѣтствующаго своей природѣ пространственнаго жилища? Но какъ же это согласить съ ихъ тѣлесностью, вслѣдствіе которой въ первобытномъ своемъ состояніи они должны были обитать на землѣ, въ которой тогда необходимо нуждались, какъ въ своемъ жилищѣ? Вѣдь нельзя же предположить, что первоначально жилище было для нихъ необходимо, а потомъ эта необходимость исчезла.—Словомъ, предположеніе о тѣлесности ангеловъ болѣе, чѣмъ сомнительно: не говоря о томъ, что всѣ доказательства, приводимыя въ его пользу, не имѣютъ никакой силы, оно и само по себѣ возбуждаетъ множество различныхъ вопросовъ и недоумѣній, которые, не находя для себя разрѣшенія, самыми очевиднымъ образомъ доказываютъ его несостоятельность.

Послѣ всего сказаннаго конечно не можетъ быть и рѣчи о томъ, что первобытная земля была населена падшими ангелами въ періодъ ихъ чистоты и невинности, потому что, обладая чисто духовною природою, они совершенно не имѣли нужды ни въ какомъ пространственномъ жилищѣ. А если такъ, то и предположеніе реституціонистовъ о разрушеніи этой земли, вслѣдствіе паденія ангеловъ, поставляемомъ въ зависимость отъ ихъ обитанія на землѣ, остается безъ всякой опоры, и вся гипотеза возстановленія оказывается висящею на воздухѣ.

Но хотя, по указаннымъ основаніямъ, представляется совершенно невозможнымъ приписывать ангеламъ тѣлесную природу, тѣмъ не менѣе допустимъ на время справедливость этого мнѣнія и посмотримъ, можетъ ли оно служить достаточнымъ основаніемъ для утвержденія о томъ, что земля нѣкогда была жилищемъ духовныхъ существъ, и не представится ли для такого утвержденія затрудненія въ настоящемъ порядкѣ вещей во вселенной?

Прежде чѣмъ дать прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ, посмотримъ сначала, какъ думаютъ защитники разбираемаго воззрѣнія о мѣстопребываніи чистыхъ духовъ, не отпавшихъ отъ Бога. Повинуясь требованію логической необходимости, Курцъ естественно долженъ былъ придти къ той мысли, что не одни только падшіе ангелы, но и всѣ вообще сотворенные духи имѣютъ нужду въ соотвѣтствующемъ жилищѣ. „Такъ какъ, говоритъ онъ, добрые ангелы имѣли одинаковую съ падшими природу, положеніе и назначеніе, то и имъ указывается послѣ творенія соотвѣтствующее жилище“ (Bib. und. Astr. 102 стр.). Гдѣ же находится это жилище? Въ Священномъ Писаніи жилищемъ ангеловъ всегда представляется небо—область чистоты и свѣта, и Курцу кажется естественнѣе всего разумѣть подъ небомъ свѣтлые, блестящіе звѣздные міры, которые такимъ образомъ и служатъ, по его мнѣнію, мѣстомъ обитанія всѣхъ ангеловъ, оставшихся вѣрными своему назначенію (ibid.). Къ такому предположенію онъ былъ приведенъ логическою необходимостію; но можно ли съ нимъ согласиться? По собственному его утвержденію, жилище свѣтлыхъ духовъ по своимъ качествамъ должно вполне соотвѣтствовать тонкости и чистотѣ ихъ тѣлесной природы, потому что „тѣло должно соотвѣтствовать душѣ, а жилище—своему обитателю“ (ibid. 104). Но можно ли сказать положительно, что свойства звѣздныхъ міровъ вполне соотвѣтствуютъ природѣ ангеловъ, что эти міры удовлетворяютъ всѣмъ условіямъ, чтобы быть жилищемъ духовныхъ существъ? Такъ какъ тѣлесная природа ангеловъ, обуславливающая для нихъ необходимость какого-нибудь жилища, признается въ высшей степени тонкою и эфирною, то таково же должно быть и самое это жилище; оно настолько же должно превосходить въ этомъ отношеніи нашу землю, насколько тѣла ангельскія превосходятъ по своимъ свойствамъ тѣла земныхъ обитателей. Но это едва ли можно сказать о природѣ звѣздъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти послѣднія такъ же грубо вещественны, какъ и наша планета, такъ что еслибы на нихъ и существовали какіе-нибудь обитатели, то они едва ли по существу своему отличались бы чѣмъ-нибудь отъ обитателей земли. Курцъ указываетъ на то, что небесныя свѣтила привлекаютъ насъ къ себѣ своимъ блескомъ, что они омузатъ обнаруженіемъ гармоніи и порядка и вслѣдствіе этого

всегда представляются намъ мѣстомъ святости и блаженства, такъ что являются вполне достойнымъ жилищемъ чистыхъ ангеловъ. Но этихъ свойствъ далеко недостаточно для того, чтобы присвоить имъ право—быть жилищами духовныхъ существъ. Блескъ небесныхъ тѣлъ вовсе не составляетъ ихъ сущности, но есть только частное свойство ихъ; по существу же своему они вѣроятно суть такія же темныя тѣла, какъ и земля, и только съ вѣншей стороны окружены блестящею оболочкой или фотосферой. Вѣдь и луна, Венера, Юпитеръ и др. также представляются намъ блестящими свѣтилами; но развѣ это дѣлаетъ ихъ превосходяще земли, совершенно одинаковой съ ними по существу? Что же касается превозносімаго Курцемъ порядка и гармоніи небесныхъ міровъ, то они не составляютъ ихъ исключительнаго свойства или какой-то привилегіи. Во всѣхъ твореніяхъ Божиихъ—отъ великаго до малаго—насъ одинаково поражаетъ величественная красота, стройность и гармонія, которыя служатъ яснымъ изображеніемъ совершенствъ Творца, такъ что и въ этомъ отношеніи мы не имѣемъ права приписывать звѣзднымъ мірамъ особеннаго преимущества предъ землею, которое заставляло бы насъ признать ихъ мѣстомъ обитанія существъ болѣе совершенныхъ, чѣмъ обитатели земли. Вообще ближайшее разсмотрѣніе различныхъ свойствъ звѣзднаго неба не только не доставляетъ намъ никакихъ основаній въ пользу предположенія о населеніи его добрыми ангелами, но даже представляетъ положительныя данныя противъ него. Между тѣмъ предположеніе объ обитаніи падшихъ ангеловъ на нашей планетѣ, какъ было сказано, съ логическою необходимостію побуждаетъ насъ признать, что и добрые ангелы имѣютъ нужду въ подобныхъ же жилищахъ, и что эти жилища существуютъ гдѣ-нибудь и въ настоящее время, такъ какъ они не были потеряны ихъ обитателями. Если же мы не можемъ допустить, что эти ангелы дѣйствительно имѣютъ такія жилища въ предѣлахъ видимой вселенной, то съ такою же логическою необходимостію мы должны сдѣлать обратное заключеніе,—что и для другой части духовъ эта вселенная не могла служить соответствующимъ ихъ природѣ мѣстомъ обитанія.

Что дѣйствительно мысль о первоначальномъ назначеніи земли—служить жилищемъ для той части ангеловъ, которая

впослѣдствіи отпала отъ Бога, встрѣчаетъ для себя опроверженіе въ несоотвѣтствіи ихъ природъ между собою,—это можно доказать самымъ очевиднымъ образомъ. Въ изслѣдованіи этого вопроса мы переходимъ уже къ критическому разбору гипотезы возстановленія съ третьей стороны,—со стороны *естественно-научной*; оно покажетъ намъ, имѣетъ ли эта гипотеза достаточныя основанія для себя въ данныхъ естественно-научнаго изслѣдованія.

Необходимымъ предположеніемъ гипотезы возстановленія должна быть мысль о томъ, что первоизданная земля не имѣетъ ничего общаго съ тою, которая возстановлена въ шестидневномъ твореніи, и представляетъ совершенно отдѣльный отъ нея міръ, потому, что 1) если та земля была предназначена для обитанія высшихъ духовныхъ существъ, то и устройство ея должно было вполне соответствовать этому назначенію, и 2) если этотъ первобытный міръ подвергся разрушительной катастрофѣ, и на его развалинахъ воссозданъ былъ совершенно новый, особый міръ, то между ними должна существовать рѣзкая граница, отдѣляющая ихъ другъ отъ друга и разрывающая между ними всякую связь. Мы видимъ, что защитники разбираемой гипотезы вполне сознавали логическую необходимость этихъ предположеній. Относительно перваго изъ нихъ Курцъ говоритъ, что какъ падшіе ангелы до своего паденія имѣли одинаковую съ прочими ангелами сущность и назначеніе, такъ и жилища ихъ были совершенно однородны, и слѣдовательно первобытная земля въ своемъ еще неразстроенномъ состояніи была вполне подобна прочимъ небеснымъ мірамъ (Bibel und. Astr. 105 стр.). Но такъ какъ, по его мнѣнію, небесные міры, какъ мы видѣли, обладаютъ какими-то особенными свойствами, имѣютъ какую-то высшую природу, которая соответствуетъ природѣ ангеловъ и дѣлаетъ ихъ вполне достойнымъ жилищемъ послѣднихъ, то значить и первобытный міръ нашей планеты онъ признаетъ совершеннѣйшимъ, существенно отличнымъ отъ нынѣшняго и вполне соответствующимъ его обитателямъ. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ, и имѣетъ ли такое утвержденіе какое-нибудь основаніе для себя въ данныхъ естественной науки, которая одна должна быть признана компетентнымъ судьей въ этомъ вопросѣ?

Такъ какъ ископаемый міръ животныхъ и растений, погребенный въ различныхъ пластахъ земной коры, по мнѣнію рести-туціонистовъ, представляетъ ничто иное, какъ развалины того первобытнаго жилища падшихъ духовъ, то за отвѣтомъ на этотъ вопросъ мы должны обратиться къ геологіи и палеонтологіи, занимающимся изслѣдованіемъ внутренняго содержанія нашей планеты. Но голосъ этихъ наукъ далеко не въ пользу разбираемаго предположенія. Хотя мы и должны согласиться, что объ эти науки признають значительную разницу между современнымъ міромъ и тѣмъ, который сохраняется внутри земли въ окаменѣломъ состояніи, тѣмъ не менѣе не можемъ придавать этой разницѣ никакого существеннаго значенія, потому что она относится только къ формамъ того и другаго міра,—между тѣмъ какъ по сущности своей они совершенно одинаковы. Какъ тотъ, такъ и другой управлялись одними и тѣми же физическими законами, какъ въ томъ, такъ и здѣсь совершалось и совершаются одны и тѣ же явленія въ органической и неорганической природѣ; какъ древній, такъ и новый міръ былъ населенъ различными родами растений и животныхъ, которые по природѣ своей совершенно одинаковы между собою,—словомъ, если между ними и есть какое-нибудь различіе, то оно имѣетъ чисто внѣшній характеръ, и въ рѣшеніи даннаго вопроса можетъ быть оставлено безъ всякаго вниманія, какъ несущественное. Послѣ этого странно было бы предположить, что первобытная земля служила жилищемъ такихъ существъ, которые имѣютъ совершенно иную природу, чѣмъ теперешніе ея обитатели. Что настоящая земля имѣетъ такое, а не иное устройство и организацію, снабжена такими, а не иными растеніями и животными,—это понятно: такъ требовало ея назначеніе служить жилищемъ человѣка, къ чему она и приспособлена наилучшимъ образомъ. Но какую же цѣль имѣли подобные предметы въ томъ первоначальномъ мірѣ, который служилъ жилищемъ для духовныхъ существъ? Если справедливо, что жилище должно быть приспособлено къ свойствамъ и потребностямъ своихъ обитателей, то мы спросимъ: почему же духовныя существа должны были жить при грубой матеріальной обстановкѣ, въ которой они не имѣли никакой нужды? Для чего они были окружены разнообразными растеніями, животными и другими предметами чувственнаго міра,

если они были для нихъ совершенно лишни? Притомъ же всеобщая взаимная борьба живыхъ существъ, сопровождавшаяся беспощаднымъ истребленіемъ другъ друга, болѣзни, смерть и другія мрачныя явленія въ исторіи первобытнаго міра, о которыхъ говорить намъ естественно-научное изслѣдованіе, представляли такое зрѣлище, которое не могло доставлять удовольствія ангеламъ и представляло поразительный контрастъ съ ихъ свойствами и природою. Еслибы они дѣйствительно имѣли необходимость въ какомъ-либо жилищѣ, то развѣ Богъ не могъ бы устроить для нихъ такой міръ, который во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовалъ бы особенностямъ ихъ существа, подобно тому, какъ Онъ приспособилъ устройство настоящаго міра къ свойствамъ и потребностямъ человѣка? Такимъ образомъ, въ этомъ пунктѣ гипотеза возстановленія не находитъ для себя ни малѣйшей опоры въ положительныхъ данныхъ геологіи и палеонтологіи. Доказывая существенное сходство первобытнаго міра, погребеннаго въ нѣдрахъ земли, съ настоящимъ, они исключаютъ всякую возможность предположенія о какой-то иной, совершеннѣйшей землѣ, обитаемой нѣкогда ангелами и подвергшейся опустошенію и разрушенію вслѣдствіе ихъ паденія.

Обратимся теперь къ другому язъ указанныхъ выше необходимыхъ предположеній разбираемой гипотезы, отъ правильности которыхъ зависитъ ея достоинство въ естественно-научномъ отношеніи. Мы сказали, что мысль о разрушеніи существовавшей нѣкогда иной земли вслѣдствіе нѣкоторой *катастрофы* необходимо ведетъ къ предположенію, что между развалинами этой древней земли и настоящимъ ея состояніемъ не существуетъ никакой связи, что оба эти міра раздѣлены рѣзкою границею. Но если мы обратимся опять къ тѣмъ же самымъ естественнымъ наукамъ, то увидимъ, что и здѣсь онѣ весьма мало благопріятствуютъ разбираемой гипотезѣ. Онѣ не даютъ никакихъ основаній не только въ пользу того, что первобытная земля соотвѣтствовала свойствамъ обитавшихъ будто бы на ней духовныхъ существъ, какъ мы это только-что показали, но даже и въ пользу того, что вообще существовала нѣкогда иная земля, которая потомъ была совершенно разрушена. Геологическія и палеонтологическія изслѣдованія не показываютъ никакой границы между двумя мірами, какъ слѣдовало бы ожидать при справедливости

этого предположенія, а напротивъ отърываютъ самую тѣсную связь между ними, такую, какая можетъ существовать напримѣръ между двумя послѣдовательными состояніями одного и того же органическаго существа, находящагося въ непрерывномъ развитіи. Какъ въ этомъ случаѣ мы не можемъ замѣтить никакого разграниченія или перерыва между предшествующимъ и послѣдующимъ, а напротивъ видимъ самую строгую постепенность въ переходѣ отъ одного къ другому, такъ точно и въ отношеніи между первобытнымъ и теперешнимъ міромъ. Мы видимъ самый послѣдовательный переходъ отъ перваго къ послѣднему. Первобытная флора и фауна не есть какая-нибудь особенная, рѣзко отдѣленная отъ настоящей, но представляетъ только низшую ступень ея развитія, служить какъ бы ея основаніемъ. Геологи утверждаютъ, что чѣмъ древнѣе періодъ первобытной исторіи органическаго міра, являющійся предметомъ научнаго изслѣдованія, тѣмъ большую простоту открываетъ оно въ формахъ и организаціи растений и животныхъ; но чѣмъ ближе подвигается изслѣдованіе къ современному состоянію земнаго шара, тѣмъ болѣе усложняются эти формы, такъ что древняя флора и фауна теряютъ наконецъ свое отличіе и незамѣтно сливаются съ тѣми, которыя украшаютъ земной шаръ въ настоящее время (Marcel de Serres, *Die Kosmogonie des Moses* 61 и слѣд. стр.). Послѣ этого можно ли хоть на минуту утверждать, что ископаемые организмы составляютъ остатки совершенно иного когда-то существовавшаго міра, не имѣющаго никакого отношенія къ тому, который окружаетъ насъ въ настоящее время? Не вѣрнѣе ли заключить, что они принадлежали нѣкогда тому же міру, который существуетъ и теперь, и служатъ памятниками его младенческаго состоянія?

Но и независимо отъ той тѣсной связи, которая соединяетъ первобытный міръ нашей планеты съ настоящимъ, предположеніе о разрушеніи существовавшей когда-то благоустроенной земли вслѣдствіе страшной катастрофы въ томъ видѣ, какъ оно предложено Курцемъ, встрѣчаетъ для себя опроверженіе въ несомнѣнныхъ фактахъ геологіи и палеонтологіи. Дѣло въ томъ, что еслибы это предположеніе было справедливо, еслибы дѣйствительно существовавшій первоначально міръ со всѣмъ разнообразіемъ и богатствомъ органической жизни подвергся вдругъ

разрушительной катастрофѣ, которая похоронила его въ нѣдрахъ земли, то мы должны были бы ожидать, что развалины этого міра будутъ представлять изъ себя полнѣйшій хаосъ, отсутствіе какого бы то ни было порядка и правильности въ расположеніи его остатковъ. Но не то мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Прежде всего геологическія изслѣдованія земной коры открыли самый строгій порядокъ въ расположеніи различныхъ ея формаций и напластованій, который ясно свидѣтельствуетъ, что образованіе ихъ совершалось не вдругъ, но постепенно, по опредѣленнымъ законамъ, дѣйствующимъ въ неорганической природѣ, и требовало для себя весьма значительныхъ періодовъ времени. А такая закономерность въ фактахъ и явленіяхъ первобытнаго неорганическаго міра никакимъ образомъ не можетъ свидѣтельствовать о томъ, что они представляютъ результатъ разрушенія этого міра, потому что оба эти понятія діаметрально противоположны между собою и какъ такія, рѣшительно исключаютъ другъ друга. Еще очевиднѣе такая закономерность обнаруживается въ распредѣленіи органическихъ остатковъ первобытнаго міра, содержащихся въ различныхъ пластахъ земной коры; вслѣдствіе чего здѣсь еще менѣе можно допустить мысль о какой-то необыкновенной всеобщей катастрофѣ, которой они обязаны своимъ происхожденіемъ. Мы уже видѣли выше, что по изслѣдованіямъ геологовъ, можно признать за общій законъ, господствующій въ ископаемомъ органическомъ мірѣ, постепенное и непрерывное приближеніе растений и животныхъ отъ наиболѣе отличныхъ типовъ къ такимъ, которые совершенно сходны съ типами, нынѣ существующими на земномъ шарѣ. Начиная съ самыхъ древнѣйшихъ періодовъ, въ теченіе всей исторіи органическаго міра мы видимъ послѣдовательный переходъ отъ низшихъ и простѣйшихъ растительныхъ и животныхъ формъ къ формамъ высшимъ и болѣе сложнымъ до совершеннаго отождествленія съ тѣми, которые существуютъ въ настоящее время, такъ что это современное состояніе органическаго міра очевидно уже имѣлось въ виду при созданіи всѣхъ предшествовавшихъ органическихъ формъ. Но развѣ это возможно было бы въ томъ случаѣ, еслибы ископаемые организмы были остатками древняго міра, который подвергся внезапному разстройству вслѣдствіе совершенно случайной причины? Чѣмъ обусловливалось бы тогда такое пра-

вливающее, полное глубокой идеей расположеніе окаменѣлыхъ остатковъ животныхъ и растеній и не должны ли бы тогда напротивъ самымъ безпорядочнымъ образомъ перемѣшаться между собою все роды и формы организмовъ отъ низшихъ до самыхъ высшихъ и сложнѣйшихъ? Всякій сколько-нибудь знакомый съ приведенными нами фактами легко пойметъ, что они нисколько не могутъ быть изъяснены при помощи того предположенія, по которому они составляютъ результатъ разрушенія первобытной земли вслѣдствіе паденія ангеловъ, бывшихъ ея обитателями.

Такимъ образомъ мы видимъ, что гипотеза возстановленія, раскрытая Курцемъ, не можетъ быть признана состоятельною и въ естественно-научномъ отношеніи, какъ не вполне согласная съ данными геологіи и палеонтологіи. Впрочемъ и самъ Курцъ очевидно сознавалъ недостатки своей теоріи съ этой послѣдней стороны, какъ это можно видѣть изъ его собственнаго откровеннаго признанія. Указавъ ключъ къ разрѣшенію вопроса о происхожденіи ископаемыхъ организмовъ въ томъ предположеніи, что „наша земля въ свой первобытный періодъ была театромъ той страшной катастрофы, въ которой обнаружилось паденіе духовъ и что тьма, пустота и безжизненность, въ которыхъ бытописатель, по Быт. 1, 2, созерцалъ землю до шестидневнаго творенія, вѣроятно суть результатъ этой разрушительной катастрофы“, онъ прибавляетъ далѣе, что „это сопоставленіе библейскаго *tohu wabohu* съ страшнымъ кладбищемъ открытымъ геологіею не имѣетъ никакого иного права, кромѣ того, что оно общаетъ счастливо и безопасно провести насъ въ гавань чрезъ подводныя скалы (т.-е. примирить Библію и науку въ вопросѣ о твореніи міра); но мы не хотимъ, заключаетъ онъ, придавать ему никакого дальнѣйшаго значенія, кромѣ этого“.... (Bib und Astron. 308 и 309 стр.).

II.

Частныя видоизмѣненія гипотезы возстановленія: Вестермайеръ и Деллчъ.

Указанные нами естественно-научные недостатки гипотезы возстановленія въ томъ видѣ, какъ она изложена Курцемъ, конечно не могли скрыться и отъ другихъ ея представителей; а потому

вполнѣ естественно было ожидать, что въ интересахъ самой гипотезы со стороны послѣднихъ будутъ сдѣланы въ ней нѣкоторыя измѣненія съ цѣлю привести ее въ согласіе съ фактами естественно-научнаго изслѣдованія. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что названная гипотеза въ основѣ своей представляла попытку согласить библейское сказаніе о твореніи съ выводами естествознанія, слѣдовательно противорѣчіе ея самой съ этими выводами весьма вредило и собственнымъ ея интересамъ и интересамъ религіи. Мы дѣйствительно и видимъ, что у позднѣйшихъ ея представителей она является уже нѣсколько въ измѣненномъ видѣ, хотя эти измѣненія первоначально были и не существенны. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ прежде всего теорія Вестермайера, изложенная въ I томѣ его сочиненія: „Das alte Testament“.

Мы уже говорили ранѣе, что въ сущности воззрѣнія Вестермайера совершенно сходны съ воззрѣніями Курца: онъ также признаетъ, что прежде шестидневнаго творенія существовала нѣкая земля, созданная Богомъ въначалѣ, что эта земля потомъ была разрушена вслѣдствіе паденія обитавшихъ на ней ангеловъ и приведена въ то состояніе, которое изображено въ Быт. 1, 2, и что наконецъ ископаемые остатки растений и животныхъ обязаны своимъ происхожденіемъ также паденію въ ангельскомъ мірѣ. Сходство его въ этихъ мысляхъ съ Курцемъ простирается даже до тяжести въ способѣ ихъ выраженія, такъ что излагать ихъ здѣсь подробно было бы совершенно лишнее. Но онъ расходится съ Курцемъ въ вопросѣ о времени происхожденія ископаемыхъ организмовъ. Мы видели, что по мнѣнію послѣдняго, растенія и животныя, погребенныя въ различныхъ пластахъ земной коры, суть остатки первобытной земли, которую они когда-то украшали и возгорѣли съ разрушеніемъ которой они пришли въ теперешнее свое состояніе. Слѣдовательно происхожденіе этихъ организмовъ у него относится ко времени предшествовавшему опустошенію первобытной земли или, примѣнительно къ библейскому повѣствованію, состоянію *tohu wabohu*, изображенному во 2-мъ стихѣ. Но такъ какъ это мнѣніе находится въ противорѣчіи съ указанными выше геологическими и палеонтологическими фактами, то Вестермайеръ съ своей стороны предполагалъ, что время происхожденія и исчезновенія первобытныхъ организмовъ

падаетъ на тотъ періодъ, о которомъ говорится во 2-мъ стихѣ, т.-е. относится къ самой эпохѣ Моисеева *tohu vabohu*. Такое предположеніе по его мнѣнію не только не противорѣчитъ даннымъ естественно-научнаго изслѣдованія, но напротивъ вполне подтверждается ими и составляетъ какъ бы необходимый логическій выводъ изъ нихъ.

Чтобы ближе ознакомиться съ этимъ взглядомъ Вестермайера и его основаніями, постараемся изложить его здѣсь въ подробности, по преимуществу пользуясь его собственными словами. Замѣтивъ, что уничтоженіе первобытныхъ организмовъ нужно считать результатомъ божественнаго суда и разрушенія, а не творенія, онъ ставитъ вопросъ о томъ, къ какому времени относится это уничтоженіе: произошло ли оно *вмѣстѣ съ наступленіемъ* хаоса, пустоты и безжизненности, или падаетъ на то время, когда Духъ Божій уже носился надъ водами, оплодотворяя ихъ? (Das alte Testam. 1 т., 36 стр.). „Что разрушеніе жилища падшихъ ангеловъ, отвѣчаетъ онъ далѣе, и превращеніе его въ водяную пустыню, покрытую тьмою, было слѣдствіемъ божественнаго суда, это несомнѣнно; но мы сомнѣваемся, чтобы омаиѣнные организмы, находящіеся въ горныхъ пластахъ, уже оживляли жилища ангеловъ. Если по нашему воззрѣнію жилище падшихъ въ послѣдствіи ангеловъ было чувственно-пространственное, то мы все-таки не думаемъ, чтобы животный и растительный міръ могъ быть соотвѣтствующею обстановкою для дома, населеннаго ангелами. Это тѣмъ менѣе можно допустить, что то чудовищное, страшное и безобразное, которое является въ омаиѣнныхъ остаткахъ первобытныхъ животныхъ, не могло бы восхищать ангельскаго взора, когда уже мы, люди, можемъ разсматривать такіе экземпляры только съ нѣкоторымъ страхомъ. Жилище ангеловъ очевидно нужно представлять себѣ свободнымъ отъ животныхъ и именно отъ чудовищъ. Такимъ образомъ, заключаетъ отсюда Вестермайеръ, отвореніе этихъ животныхъ и ихъ уничтоженіе падаетъ не на *прежде tohu vabohu* и не на *начало* его, но на его *продолженіе*, когда чрезъ оплодотворяющее дѣйствіе божественнаго духа надъ водами бездны начали уже пробуждаться творческія силы“. Происхожденіе этихъ страшныхъ и безобразныхъ животныхъ по его мнѣнію объясняется дѣйствіемъ злаго начала, которое проникло въ міръ въ лицѣ діавола послѣ паденія анге-

ловъ, потому что свойство и склонность этихъ падшихъ духовъ состоитъ въ томъ, чтобы все разрушать и обезображивать, производя чудовищныя и страшныя формы. Но такъ какъ съ другой стороны въ первобытныхъ организмахъ замѣчается постепенное приближеніе къ органическимъ формамъ настоящаго міра, то онъ предполагаетъ, что уже первобытныя творенія стремились къ дѣлу, которая достигнута наконецъ въ шестидневномъ твореніи, и на этомъ основаніи утверждаетъ, что они произошли подъ вліяніемъ борьбы злыхъ духовъ съ творческою дѣятельностію Бога. После того, какъ первобытная земля была превращена въ хаосъ, Богъ захотѣлъ снова восстановить міръ для человека. Но когда творческая дѣятельность Духа Божія начала обнаруживаться въ безжизненной безднѣ, падшіе духи увидѣли, что они негодуютъ или по крайней мѣрѣ отъгоняются въ своемъ жилищѣ и потому употребили всю свою силу, чтобы воспрепятствовать новому творенію. Это противодействіе ихъ обнаруживалось не въ томъ, что „они противопоставляли творенію Бога противныя каррикатуры, не въ томъ, что они неизвѣстнымъ намъ образомъ производили въ сотворенныхъ Богомъ животныхъ породахъ чудовищныя порожденія, неестественное смѣшеніе, взаимное убійство, болѣзни и смерть. Божественное твореніе было слѣдовательно не только обрабатываніемъ темной матеріи въ свѣтлый, живой образъ, но также и борьбою съ силами зла“. Такимъ образомъ Божественное слово: „се добро зле, есть слово побѣды и божественная суббота—покой триумфа, подобно слову Спасителя: *совершиися*“ (Das alte Test. 39 стр.). Нужно замѣтить, что зачатки этой теоріи находятся еще у Курца, который также высказалъ мысль о прохожденіи ископаемыхъ организмовъ подъ вліяніемъ борьбы Творца съ какими-то разрушительными силами (Bibel und Natg. 308 стр.). Но у него эта мысль мало вытекаетъ съ тѣмъ предположеніемъ, по которому эти организмы принадлежатъ къ первобытному превращенному міру, служившему жилищемъ ангеловъ и приведены въ настоящее свое состояніе вѣдетъ съ разрушеніемъ послѣдняго; притомъ же и выражена она у него въ самыхъ общихъ чертахъ, безъ всякаго поясненія и раскрытія, какъ это мы увидимъ у Вестермайера.

Мы должны согласиться, что гипотеза Вестермайера болѣе, согласна съ указанными выше фактами естествознанія и не воп-

буждаетъ тѣхъ недоумѣній, которыя имѣютъ мѣсто въ гипотезѣ Курца. Но тѣмъ не менѣе и въ этомъ отношеніи противъ нея должны быть сдѣланы весьма важныя возраженія. Вестермайеръ основываетъ свой взглядъ главнымъ образомъ на томъ обстоятельстве, что ископаемые организмы первобытныхъ эпохъ отличаются самыми чудовищными и даже страшными формами, которыя будто бы не могли произойти отъ творческой дѣятельности Бога, но необходимо должны быть приписаны какому-либо злону началу, враждебному Ему. Но это основаніе нельзя признать вполне достаточнымъ для разбиремаго предположенія. Прежде всего представленіе Вестермайера о томъ, что первобытный органическій міръ отличается чудовищнымъ характеромъ, нужно считать сильно преувеличеннымъ. Между ископаемыми животными есть конечно такіе виды, которые отличаются весьма страшными и уродливыми формами, каковы напримѣръ ихтіозавры, плезиозавры, птеродактили и т. п., но было бы совершенно ошибочно возводить эти частныя факты въ общее правило и утверждать, что и вся первобытная фауна отличается такимъ же характеромъ. Между ея представителями напротивъ весьма часто встрѣчаются самые обыкновенныя типы, не представляющіе по своимъ формамъ ничего особеннаго, каковы напр моллюски, которые, какъ показываютъ наблюденія, служатъ главными и почти единственными представителями животнаго міра въ древнѣйшій періодъ исторіи земли. Но еслибы даже и можно было по всему животнымъ первобытнаго міра приложить понятіе уродливости и чудовищности, то остается еще обширный классъ органическихъ существъ, въ которому совершенно неприложимо такое опредѣленіе, — это растенія. Палеонтологическія изслѣдованія открыли значительную разницу между ископаемою и современною намъ флорою, но они не нашли ни одной растительной формы, которую можно было бы назвать безобразною или чудовищною и вслѣдствіе этого усомниться въ ея происхожденіи отъ Бога. Мы поэтому въ правѣ спросить, почему же борьба двухъ враждебныхъ силъ, подъ вліяніемъ которой произошла первобытная органическая жизнь, отразившись на формахъ животнаго міра, не оставила соотвѣтствующаго слѣда на растеніяхъ? Этого очевидно не могло бы случиться, еслибы на самомъ дѣлѣ демоническія силы дѣйствовали разрушительнымъ образомъ въ эпоху созданія неже-

паемыхъ организмовъ, потому что поступая послѣдовательно, онѣ навѣрное постарались бы извратить также и растительныя формы, подобно тому, какъ это утверждается въ гипотезѣ относительно формъ животной жизни. Единственная особенность ископаемыхъ растеній древнѣйшихъ періодовъ заключается въ ихъ исполненныхъ размѣрахъ, какъ это можно сказать напр. о папоротникахъ каменноугольной эпохи, имѣющихъ здѣсь форму и размѣры дерева. Но эта особенность растеній указываетъ скорѣе на благоприятныя условія, при которыхъ развивалась ихъ жизнь, чѣмъ на какое-либо враждебное начало, задерживающее и извращающее ихъ правильное развитіе, каковы демоническія силы.

Но вопросъ еще въ томъ: имѣемъ ли мы какое-нибудь право считать уродливыми или, какъ называетъ ихъ Вестермайеръ, „каррикатурами и гримасами творенія“ даже и тѣхъ представителей животнаго міра, которые отличаются по нашему представленію странными и необыкновенными формами? Въ самомъ дѣлѣ понятіе уродливого, чудовищнаго или каррикатурнаго можетъ быть приложено только къ такимъ предметамъ или существамъ, которые уклоняются отъ правильнаго порядка вещей, управляемаго естественными законами, являются не тѣмъ, чѣмъ они должны быть по своей природѣ, составляютъ слѣдовательно явленіе ненормальное, противосъестественное. Это понятіе относится такимъ образомъ къ самой сущности предметовъ, а не къ формѣ или вѣншему виду ихъ: предметъ можетъ являться въ какой угодно формѣ, но если онъ по существу своему остается тѣмъ, чѣмъ долженъ быть, то онъ не можетъ быть названъ явленіемъ уродливымъ въ собственномъ смыслѣ, равно какъ и наоборотъ. Если поэтому мы будемъ говорить объ организаціи живыхъ существъ, то должны будемъ признать ее явленіемъ ненормальнымъ или каррикатурнымъ только въ томъ случаѣ, когда оно не соответствуетъ существу дѣла, т.-е. когда строеніе и расположеніе различныхъ органовъ тѣла таково, что не можетъ служить къ поддержанію жизни извѣстныхъ существъ, какъ этого требуетъ самая идея и назначеніе организаціи; во всякомъ же противномъ случаѣ организмъ живаго существа долженъ быть признанъ совершенно правильнымъ, естественнымъ и сообразнымъ съ своею природою и назначеніемъ, каковъ бы ни былъ его вѣнній видъ и форма. А это именно мы и видимъ во всѣхъ

типахъ первобытнаго животнаго міра. Изъ наблюденій геологовъ мы узнаемъ, что всѣ погребенныя въ землѣ животныя нѣкогда жили, питались, размножались и вообще совершали всѣ свойственныя имъ отправления; слѣдовательно они обладали цѣлесообразнымъ въ этомъ отношеніи устройствомъ организма. Кроме того, тщательное изученіе ископаемыхъ остатковъ животныхъ прямо убѣждаетъ насъ, что строеніе организма у всѣхъ даже самыхъ странныхъ и безобразныхъ типовъ было какъ нельзя болѣе приспособлено ко всѣмъ внѣшнимъ условіямъ, привычкамъ и образу жизни животныхъ, слѣдовательно прямо направлено къ тому, чтобы сдѣлать ихъ наиболѣе способными къ существованію. Здѣсь такимъ образомъ замѣчается полнѣйшее господство разума; а гдѣ разумъ, тамъ не можетъ быть ничего ненормальнаго или уродливаго.

Итакъ, по какому же праву мы можемъ считать нѣкоторыхъ изъ первобытныхъ животныхъ чудовищными, противоестественными явленіями, каррикатурами творенія, отрицая за это самое происхожденіе ихъ отъ Бога? По причинѣ ихъ страннаго и безобразнаго вида? Но вѣдь это прежде всего понятія, слишкомъ относительныя, дѣло личнаго вкуса, чтобы принимать ихъ за общую норму при сужденіи о первобытныхъ твореніяхъ. Что одному можетъ казаться отравнымъ, безобразнымъ и неестественнымъ, то другому будетъ представляться въ иномъ свѣтѣ. То или другое сужденіе обуславливается различными обстоятельствами. Въ данномъ случаѣ, наприм. наше сужденіе о первобытныхъ животныхъ главнымъ образомъ обуславливается привычкою. Въ современную намъ эпоху мы постоянно видимъ вокругъ себя существа съ извѣстною только организаціею, которую мы и привыкли считать самою обыкновенною и естественною для нихъ; между тѣмъ какъ всякое иное устройство организма, не подходящее подъ наше обычное представленіе, намъ кажется страннымъ, необыкновеннымъ и даже уродливымъ. И вотъ, когда геологическія изслѣдованія открыли въ земной корѣ такихъ животныхъ, организація которыхъ не имѣетъ ничего себѣ подобнаго между представителями современной фауны, на нихъ естественно могли смотрѣть не иначе, какъ на какихъ-то чудовищъ и уродовъ. Вѣроятно то же самое было бы и въ томъ случаѣ, еслибы на мѣстѣ ископаемой находилась современная фауна:

тогда и она можетъ-быть для многихъ показалась бы странною и даже безобразною и чудовищною. Кромѣ того, если на основаніи одного только внѣшняго вида первобытныхъ животныхъ отрицать происхожденіе ихъ отъ Бога, то мы должны были бы одыять то же самое и по отношенію ко многимъ современнымъ видамъ живыхъ существъ. Развѣ мало между ними не только такихъ, которыя отличаются безобразною формою (какъ напр. верблюды), но даже и такихъ, которыя по справедливости могутъ быть названы чудовищными и которыми особенно богаты морскія бездны? Между тѣмъ и Вестермайеръ, и другой кто нибудь, изъ его единомышленниковъ не сомнѣваются относительно того, что всѣ они созданы самимъ Богомъ въ 5-й и 6-й день творенія. Почему же въ этомъ случаѣ Богу приписывается созданіе и чудовищныхъ животныхъ, тогда какъ въ томъ случаѣ для этого требовалось участіе какихъ-то разрушительныхъ противобожественныхъ силъ?

Кромѣ безобразнаго и каррикатурнаго, Вестермайеръ, въ подтвержденіе своей теоріи, указываетъ еще на господство въ первобытномъ мірѣ чего-то страшнаго и ужаснаго, свидѣтельствующаго о вмѣшательствѣ въ его исторію какого-то злаго начала, наковы именно, разнообразныя жестокости, взаимная борьба и истребленіе въ животномъ царствѣ, болѣзни, смерть и т. п. Эти факты повидимому болѣе подтверждаютъ его предположеніе, чѣмъ тѣ, которые разобраны нами выше, потому что вражда, болѣзни и смерть во всякомъ случаѣ такіа явленія, которыя должны быть названы зломъ. Но это только повидимому; на самомъ же дѣлѣ и эти факты весьма мало могутъ служить доказательствомъ вліянія демоническихъ силъ на происхожденіе ископаемыхъ организмовъ. Прежде всего мы укажемъ на современное состояніе животнаго міра, въ которомъ господствуетъ тотъ же законъ всеобщей борьбы за существованіе, сопровождаемой различными жестокостями, тѣ же болѣзни и смерть, которыя замѣчаются и между первобытными животными. Почему же, спросимъ мы, подобныя факты въ настоящее время не возбуждаютъ никакого сомнѣнія относительно происхожденія животныхъ непосредственно отъ самого Бога? Намъ конечно могутъ сказать, что первоначальное состояніе современной фауны было иное, совершенно отличное отъ теперешняго, и въ объясненіе этого послѣдняго

указать на страшную катастрофу, совершившуюся въ нравственномъ мірѣ, грѣхопаденіе прародителей, которое отразилось и на физической природѣ. Эта-то катастрофа и внесла въ животный міръ взаимную борьбу и истребленіе, болѣзни, смерть и тому подобныя явленія, прежде не имѣвшія въ немъ мѣста. Но дѣйствительно-ли смерть и взаимное истребленіе животныхъ не существовали раньше грѣхопаденія первыхъ людей? Если въ подтвержденіе этого уважить на Священное Писаніе, которое говоритъ о происхожденіи смерти вслѣдствіе грѣхопаденія человека, то это будетъ свидѣтельствовать только о неправильномъ пониманіи библейскаго ученія. „Если Священное Писаніе учитъ, говоритъ Рейшъ, что чрезъ грѣхъ Адама смерть вошла въ міръ, то оно этимъ хочетъ только сказать, что чрезъ грѣхъ человекъ потерялъ сообщенный ему благодатный даръ тѣлеснаго безсмертія. Что человекъ не умиралъ бы, еслибы Адамъ не согрѣшилъ, есть слѣдовательно ученіе Библии; но что и животнымъ также первоначально было даровано безсмертіе и отсутствіе страданій, объ этомъ Библия нигдѣ не учитъ“ (Bibel und Natur, 110 стр.). Такъ какъ животныя не имѣли благодатнаго дара безсмертія, даннаго человеку при его сотвореніи, то значитъ, мы необходимо должны допустить, что и до грѣхопаденія смерть также господствовала въ животномъ мірѣ, какъ это мы видимъ въ настоящее время. Точно также несправедливо допускать и то, „что до грѣхопаденія первыхъ людей въ царствѣ животныхъ не было ни борьбы, ни взаимнаго истребленія отдѣльныхъ существъ, что плотоядныя животныя появились только вслѣдствіе грѣха Адама, между тѣмъ какъ до этого времени растенія оставляли единственную ихъ пищу. Еслибы это было такъ, то необходимо было бы признать, что организація многихъ существъ въ самое короткое время испытала коренное измѣненіе, потому что тотъ или другой родъ пищи требуетъ для себя соотвѣстнаго приспособленія въ строеніи почти всѣхъ органовъ животнаго, такъ что организація плотоядныхъ животныхъ должна быть совершенно отлична отъ травоядныхъ, какъ это дѣйствительно мы и видимъ въ настоящее время. Но какъ бы ни было значительно и зло-вредно дѣйствіе грѣха Адамова въ области животной жизни, все-таки приписывать ему подобныя измѣненія въ организаціи существъ положительно невозможно, потому что для этого нужно

было совершенно *пересоздать* ихъ природу, тогда какъ вліяніе грѣха можетъ быть только *разрушительное*. Кроме того, здѣсь еще предстаетъ вопросъ: если, вслѣдствіе грѣхопаденія первыхъ людей, животныя, питавшіяся прежде растеніями, сдѣлались плотоядными и хищными, то почему же такое измѣненіе произошло только съ нѣкоторыми видами ихъ, а не со всеми? Почему и въ настоящее время еще значительная часть животнаго царства питается исключительно растительною пищею, и многія изъ животныхъ этого рода (какъ напр. овца) отличаются смирнымъ и кроткимъ характеромъ? Этого не могло бы быть, еслибы хищность и свирѣность животныхъ была слѣдствіемъ грѣха Адама, потому что онъ, оказывая свое вліяніе на всѣ роды и виды ихъ безъ исключенія, долженъ былъ бы произвесть въ нихъ одинаковое слѣдствіе. Впрочемъ нужно замѣтить, что если кто-нибудь изъ богослововъ и держится приведеннаго мнѣнія о происхожденіи зла въ животномъ мірѣ, то самъ Вестермайеръ не раздѣляетъ его. Вражду, болѣзни и смерть между современными животными онъ объясняетъ такъ же, какъ объясняетъ подобныя явленія и въ первобытномъ мірѣ, т.-е. вліяніемъ демоновъ. Хотя шестидневное твореніе, по его словамъ, и было побѣдою Творца надъ злыми духами, но побѣда эта не была полная и окончательная, потому что сатана не былъ еще совершенно вытѣсненъ изъ творенія, и ему оставлено было нѣкоторое вліяніе на состояніе органическаго міра (Das alte Test. 45 стр.). Этимъ-то вліяніемъ онъ и объясняетъ современное состояніе животнаго царства. Насколько справедливо подобное объясненіе, мы увидимъ ниже, когда будемъ говорить о томъ, можно ли допустить враждебное дѣйствіе злыхъ духовъ въ эпоху созданія первобытнаго міра. Теперь же мы во всякомъ случаѣ должны признать, что вражда и взаимное истребленіе животныхъ существовали еще до паденія Адама, и что слѣдовательно всѣ эти свойства и наклонности были сообщены имъ Самимъ Богомъ при ихъ созданіи. Если же такъ, то нѣтъ никакого препятствія утверждать, что и ископаемый міръ, въ которомъ дѣйствовали тѣ же самые законы животной жизни, обязанъ своимъ происхожденіемъ исключительно только творческой дѣятельности Бога—безъ всякаго вмѣшательства какихъ-либо разрушительныхъ силъ.

При всемъ томъ было-бы несправедливо выражать какія-либо

сомнѣнія относительно этой истины на томъ только основаніи, что геологическія изслѣдованія открыли въ ископаемомъ мірѣ господство взаимной вражды и истребленія, которыя будто бы должны были названы зломъ. Такое мнѣніе ошибочно. Конечно, съ извѣстной стороны эти явленія суть зло, такъ какъ они сопровождаются страданіями живыхъ существъ; но если мы посмотримъ на дѣло съ телеологической точки зрѣнія, то оно явится намъ совершенно въ иномъ свѣтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что было бы съ животнымъ міромъ, если бы его члены не истребляли взаимно другъ друга, а умирали бы исключительно только естественною смертію? Понятно, что тогда отдѣльные роды и виды животныхъ размножились бы до самой крайней степени; а это вызвало-бы недостатокъ въ пищѣ, такъ какъ то количество ея, которое въ настоящее время способно поддержать существованіе только извѣстнаго числа животныхъ, тогда должно было бы питать гораздо большее число ихъ. Вслѣдствіе этого естественно произошло бы усиленное вымирание животныхъ отъ голода и различныхъ болѣзней, т.-е. явилось бы еще худшее зло, чѣмъ то, которое существуетъ при настоящемъ порядкѣ вещей. Всего этого тѣмъ естественнѣе нужно было бы ожидать, что область распространенія многихъ животныхъ ограничивается самыми тѣсными географическими предѣлами, за которыми они уже не могутъ существовать, такъ что они весьма легко наполнили бы эти предѣлы до самой крайней степени и этимъ произвели-бы весьма важныя затрудненія для своего существованія. При настоящемъ же порядкѣ вещей, плотоядные животные истребляя въ большомъ количествѣ травоядныхъ и другъ друга, постоянно поддерживаютъ равновѣсіе между отдѣльными родами и видами животныхъ,—съ одной стороны, и средствами ихъ питанія, пространствомъ обитаемыхъ ими областей и т. п.—съ другой. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи хищническія свойства животныхъ, ихъ жестокая борьба между собою и пр. представляются въ высшей степени цѣлесообразнымъ и разумнымъ явленіемъ и по справедливости должны быть признаны для нихъ благомъ. А отсюда можно заключать, что и въ первобытномъ мірѣ эти факты служатъ скорѣе доказательствами премудрыхъ плановъ всеблагаго Творца, чѣмъ обнаруженіемъ враждебной дѣятельности какаго-либо разрушительнаго злаго начала.

Но если естественно-научные факты, на которых Вестермайеръ основываетъ свою гипотезу, весьма мало говорятъ въ ея пользу, то еще менѣе можно признавать ее основательною съ чисто богословской точки зрѣнія. Предполагаемая борьба злыхъ духовъ съ творческою дѣятельностью Бога, при помощи которой Вестермайеръ объясняетъ происхожденіе ископаемыхъ организмовъ, возбуждаетъ множество недоумѣній и является фактомъ въ высшей степени непонятнымъ и необъяснимымъ. Неновитно прежде всего то, какимъ образомъ демоническія силы могли воздѣйствовать на Божественное твореніе, препятствовать правильному ходу творческой дѣятельности и обезображивать ея произведенія. Этого, очевидно, не можетъ намъ объяснить и самъ Вестермайеръ, потому что онъ прямо говоритъ, что эти силы дѣйствовали въ указанномъ направленіи „неизвѣстнымъ намъ образомъ“ (Das alte Test. 39). Но допустимъ, что злые духи какимъ-бы то ни было образомъ имѣли возможность противодействовать Божественному творенію и именно съ такою силою, что Богъ только послѣ продолжительной и упорной борьбы съ ними, съ большимъ трудомъ могъ наконецъ одержать надъ ними полную побѣду. Не значить ли это—приписать демонамъ такую же самостоятельность, власть и почти такую-же силу и могущество, какія свойственны Богу, т.-е. впасть въ дуализмъ, который признаетъ два верховныхъ начала, находящихся въ постоянной борьбѣ между собою, и который не имѣетъ ничего общаго съ христіанскимъ ученіемъ? Этого по крайней мѣрѣ требуетъ логическая послѣдовательность. Но Вестермайеръ старается избѣжать дуализма и чтобы остаться вѣрнымъ христіанскому ученію, удерживаетъ за злыми духами ихъ ограниченность и подчиненное положеніе. Онъ отрицаетъ въ нихъ творческую способность и утверждаетъ, что ихъ враждебная дѣятельность по отношенію къ Божественному творенію находилась исключительно въ зависимости отъ поущенія Божія. Но отсюда возникаютъ только новыя недоумѣнія, еще болѣе обнаруживающія слабость самой гипотезы.

Мы спросимъ Вестермайера: чѣмъ же объяснить уцорство демоновъ въ противодействіи Творцу, и какую цѣль имѣло Божественное поущеніе этого противодействія? Въ отвѣтъ на это онъ проводитъ аналогію между твореніемъ и искупленіемъ, ука-

зывая на то, что вся искупительная дѣятельность Христа была непрерывною борьбою его съ враждебными силами тьмы, которымъ Богъ еще и теперь попускаетъ дѣйствовать въ міръ (Das alte Test. 38). Но эта аналогія совершенно неприложима къ разсчитываемому случаю и нисколько не облегчаетъ пониманія дѣла. Прежде всего—относительно самихъ духовъ—вышнательство ихъ въ дѣло спасенія людей совершенно понятно и естественно. Какъ существа нравственно-злыя, воля которыхъ несомнѣнно стремится только ко злу, они естественно и другимъ существамъ могутъ желать и дѣлать одно зло. Но такъ какъ, съ одной стороны, по природѣ своей они суть чисто духовныя существа, а съ другой,—источникъ зла у нихъ заключается въ испорченности *нравственной* природы, въ потерѣ нравственной чистоты и святости, то понятно, что и внѣ себя они должны стараться произвести только нравственное зло, къ чему особенно должна побуждать ихъ зависть при видѣ состоянія нравственной чистоты, которое они замѣтили бы въ другихъ существахъ. Нѣкоторую хотя довольно слабую аналогію этому мы можемъ видѣть въ жизни человѣческой, потому что и здѣсь нравственно испорченные личности прежде всего стараются дѣйствовать на нравственную сторону другихъ людей. Но, какъ мы сказали, эта аналогія весьма слабая, какъ потому, что человѣкъ не есть исключительно духовно-нравственное существо, такъ и потому, что нравственная испорченность въ немъ не можетъ доходить до степени *непреклоннаго* стремленія ко злу. Итакъ, отрешеніе дѣлать зло въ падшихъ духахъ должно обнаруживаться только по отношенію къ существамъ, одареннымъ нравственною природою а изъ земныхъ обитателей такую природу имѣетъ только одинъ человѣкъ, и слѣдовательно противъ него только и должны быть направлены все враждебныя дѣйствія злыхъ духовъ. Мы дѣйствительно и видимъ, что уже съ самаго появленія своего на землѣ онъ становится предметомъ безчисленныхъ нападеній со стороны діавола,—и именно съ нравственной своей стороны. Первое зло, причиненное человѣку діаволомъ, былъ грѣхъ,—потеря чистоты и невинности, слѣдовательно чисто-нравственнаго свойства, и вызвано оно было, по свидѣтельству самого Писанія, исключительно завистію діавола. Въ томъ же направленіи онъ продолжаетъ дѣйствовать противъ людей и въ теченіи всей вѣ-

хозавѣтной исторіи человечества; если же мы и видимъ иногда, что онъ бываетъ виновникомъ физическаго зла въ человѣкѣ (напр. въ исторіи Іова), то это послѣднее является только средствомъ къ тому, чтобы причинить нравственное зло. Наконецъ, съ пришествіемъ Спасителя, который имѣлъ цѣлю возвратить людямъ потерянную ими нравственную чистоту, дѣятельность діавола въ міръ должна была получить особенное возбужденіе и обнаружиться враждебно по отношенію къ лицу и дѣлу Христа, какъ дѣйствительно и было. Подобнымъ же образомъ объясняются всѣ послѣдующія дѣйствія діавола по отношенію къ церкви Христовой, въ которой онъ посѣваетъ безчисленныя ереси и расколы, чтобы воспрепятствовать ей всемірному распространенію. Такимъ образомъ разрушительная дѣятельность злыхъ духовъ въ міръ человеческомъ весьма легко объясняется изъ общаго нравственнаго состоянія ихъ, какъ существъ, непреклонно стремящихся къ злу. Но можно-ли объяснить этимъ и то противодѣйствіе, которое они оказывали творческой дѣятельности Божіей при образованіи видимаго міра? Отвѣтъ, очевидно, можетъ быть данъ только отрицательный. Нельзя допустить, что они имѣли намѣреніе одѣлать зло тѣмъ произведеніямъ творческой силы, которыя, вслѣдствіе ихъ разрушительнаго вліянія, подверглись искаженію и обезображенію и пріобрѣли различныя чудовищныя свойства, потому что эти произведенія (растенія и животныя) не были одарены нравственною природою, въ области которой злые духи должны проявлять свою дѣятельность; для произведенія же въ нихъ физическаго зла они не могли имѣть достаточнаго побужденія въ смыслѣ зависти. Въдѣ и въ историческое время, несмотря на многообразную дѣятельность злыхъ духовъ въ жизни человечества, мы не знаемъ примѣровъ, которые свидѣтельствовали-бы о враждебномъ дѣйствіи ихъ по отношенію къ существамъ неодареннымъ духовною природою. Итакъ, аналогія между дѣятельностью діавола въ исторіи человечества и въ исторіи творенія не имѣетъ мѣста, и поставленный нами вопросъ по прежнему остается нерѣшеннымъ,

Впрочемъ Вестермайеръ старается поддержать эту аналогію чрезъ то, что враждебную дѣятельность діавола по отношенію къ человѣку объясняетъ изъ естественной вражды и ненависти къ нему, какъ сопернику, похитившему его достояніе и заняв-

шему прежнее его жилище, и изъ стремленія отнять у него это послѣднее; „это, говоритъ онъ, была личная оборона отчаянія, употребляющаго крайнія усилія, чтобы спасти себя“ (Das alte Test. 19). Подобною же самозащитою со стороны діавола, по его словамъ, было и противодѣйствіе его Творцу, такъ какъ онъ хотѣлъ воспрепятствовать дѣйствию творческой силы, которому онъ изгонялся, или по крайней мѣрѣ, стѣснялся въ своемъ жилищѣ. Но едва ли такое объясненіе можно назвать удовлетворительнымъ. Ужели злые духи не сознавали своей ограниченности, своего безсилія и ничтожества предъ Богомъ и могли хотя бы на одну минуту питать надежду на какой-нибудь успѣхъ въ своемъ сопротивленіи Ему? Если же у нихъ не было этой надежды, то какую же цѣль и смыслъ могли имѣть всѣ ихъ усилія разстроить Божественное дѣло творенія? Вѣдь всякое усиліе въ какомъ бы ни было дѣлѣ возможно только тогда, когда есть хоть малѣйшая надежда на его успѣхъ. Стараться же сдѣлать что-либо заведомо невозможное—со стороны разумнаго существа немислимо.

Не менѣе трудно разрѣшить и другое изъ указанныхъ нами выше недоумѣній, возбуждаемыхъ гипотезою Вестермайера,—именно, относительно того, какую цѣль имѣлъ Богъ, когда Онъ попустилъ злымъ духамъ противодействовать Его творенію и вмѣсто того, чтобы разомъ прекратить ихъ разрушительную дѣятельность, велъ съ ними упорную борьбу втеченіи очень долгаго времени. Вестермайеръ указываетъ на то, что и спасительное дѣло І. Христа представляетъ также непрерывную борьбу Его съ силами тьмы, однако Богъ не препятствовалъ имъ противодействовать этому „новому творенію“. Но и въ данномъ случаѣ эта аналогія оказывается несостоятельною. Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія Вестермайеръ высказываетъ ту мысль, что Богъ не желаетъ и не можетъ по своей справедливости ограничивать свободу злыхъ духовъ, принадлежащую ихъ нравственной природѣ, и потому не препятствуетъ имъ обнаруживать свойственную ихъ характеру дѣятельность въ мірѣ человѣческомъ (Das alte Test. 19 стр.). Этимъ, слѣдовательно, онъ объясняетъ какъ тотъ фактъ, что Богъ попускалъ демонамъ противодействовать искупительной дѣятельности І. Христа, такъ и тотъ, что Онъ не препятствовалъ имъ вмѣшиваться въ дѣла творенія (такъ

накъ, по его мнѣнію, оба эти факта аналогичны между собою). Но посмотримъ, вѣрна-ли такая аргументація. Прежде всего фактически неправильно то мнѣніе Вестермайера, что Богъ *не желаетъ* ограничивать свободу злыхъ духовъ, предоставляя имъ безпрепятственно дѣйствовать среди людей. Изъ многихъ фактовъ священной исторіи мы можемъ заключить, что Богъ, хотя и позволяетъ имъ проявлять свою дѣятельность въ исторіи человечества, но тѣмъ не менѣе часто ограничиваетъ ее и даже совершенно пресѣкаетъ, что степень и родъ этой дѣятельности зависятъ исключительно отъ опредѣленія Божія, отсюда видно далѣе, что они поступаютъ несамостоятельно и не пользуются безусловною свободою, какъ думаетъ Вестермайеръ. Изъ исторіи Іова, напр. мы знаемъ, что діаволъ, являясь предъ лице Божіе, даетъ Ему, такъ-сказать, отчетъ въ своей дѣятельности, испрашиваетъ затѣмъ у него разрѣшеніе на извѣстное дѣло и наконецъ получаетъ это разрѣшеніе не иначе, какъ только съ нѣкоторыми ограниченіями, стѣснительными для своей свободы. Все это показываетъ, что діаволъ является здѣсь далеко не полноправнымъ властителемъ міра, не знающимъ никакихъ границъ и законовъ для своей воли, но лицомъ вполне зависимымъ и подчиненнымъ. Изъ евангельской исторіи мы знаемъ много случаевъ исцѣленія бѣсноватыхъ, когда І. Христосъ Своею властію изгонялъ бѣсовъ, мучившихъ людей, дѣйствуя въ такихъ случаяхъ, безъ всякаго сомнѣнія, противъ ихъ собственной воли и слѣдовательно, стѣсняя свободу ихъ дѣйствій по отношенію къ людямъ.

Но и независимо отъ указанныхъ нами фактическихъ основаній—уже изъ однихъ теоретическихъ соображеній можно видѣть несправедливость мнѣнія Вестермайера, будто Богъ допускаетъ вмѣшательство злыхъ духовъ въ дѣло искупленія и спасенія людей вслѣдствіе того, что не желаетъ стѣснять ихъ *свободы*. Можно-ли, спросимъ мы его, считать ихъ въ настоящемъ своемъ состояніи существами нравственно-свободными? Свобода вообще предполагаетъ въ субъектѣ возможность выбора между двумя или многими дѣйствіями; нравственная свобода есть способность сознательно и разумно по собственному выбору направлять свою волю къ добру или злу. Кто не обладаетъ этой способностью, кто не можетъ по произволу опредѣлять свою волю въ томъ или другомъ направленіи, для того свобода не суще-

ствуешь, потому что онъ подчиненъ закону необходимости. Если мы теперь обратимъ вниманіе на нравственное состояніе злыхъ духовъ, то увидимъ, что ихъ дѣятельность и подчинена именно закону необходимости. Вслѣдствіе своего паденія, они настолько извратили свою нравственную природу, что потеряли всякую способность дѣлать добро и приобрѣли *непреклонное и непреодолимое* влеченіе ко злу, которое необходимо заставляеть ихъ поступать такъ, а не иначе и этимъ самымъ исключаетъ всякую возможность сознательнаго выбора между двумя противоположными направленіями воли. Дарованная имъ Богомъ нравственная свобода, слѣдовательно, потеряна ими окончательно и безвозвратно, такъ какъ они уже не могутъ болѣе возвратиться въ прежнему своему состоянію чистоты невинности. Итакъ, есть-ли хоть малѣйшій смыслъ утверждать, какъ дѣлаетъ это Вестермайеръ, что Богъ не хотѣлъ и не могъ ограничивать свободу злыхъ духовъ, свободу, скажемъ мы, которой они въ настоящемъ своемъ состояніи не имѣютъ вовсе? Не долженъ-ли Онъ былъ, напротивъ, какъ можно болѣе стѣснять и противодѣйствовать всякому обнаруженію ихъ дѣятельности, которая имѣетъ единственное направленіе и цѣль—творить зло? Не долженъ-ли Онъ былъ, по любви Своей къ міру и человѣку, скорѣе воспрепятствовать ихъ вмѣшательству въ дѣло спасенія людей, направленному исключительно къ тому, чтобы разстроить это дѣло?

Итакъ, если Богъ попускалъ дѣятельность злыхъ духовъ въ исторіи человечества вообще и въ частности въ исторіи спасенія людей, то очевидно, Онъ руководился при этомъ другими мотивами, чѣмъ тѣ, которые указываетъ Вестермайеръ. Если Онъ опредѣлялъ и направлялъ такъ или иначе ихъ поступки и даже пресѣкалъ иногда ихъ дѣйствія, то понятно, что не свободу ихъ Онъ имѣлъ въ виду, а какія-то иные цѣли, для которыхъ они служили орудіемъ и сообразно съ которыми опредѣлялся родъ и степень ихъ дѣятельности. Цѣли эти, несомнѣнно лежали въ самихъ людяхъ, подлежащихъ воздѣйствіямъ демоновъ. Не трудно понять, какого рода были эти цѣли. Человѣкъ, какъ существо духовно-нравственное, долженъ стремиться къ добру; но это добро не навязывается ему силою, а напротивъ, сообразно съ своею свободою, онъ долженъ дѣлать выборъ между добромъ и зломъ, долженъ слѣдовательно направить свою волю къ добру не иначе,

какъ въ борьбѣ со зломъ. И чѣмъ сильнѣе эта борьба, чѣмъ больше представляется поводовъ и соблазновъ ко злу, тѣмъ прочнѣе пріобрѣтенная надъ нимъ побѣда и тѣмъ она бываетъ важнѣе. Поэтому, если Богъ позволяетъ злымъ духамъ проявлять свою дѣятельность по отношенію къ человѣку, котораго они всѣми мѣрами стараются склонить ко злу, то это очевидно должно имѣть не иную, какъ только педагогическую цѣль, потому что въ борьбѣ со злыми духами и съ различными ихъ искушеніями человѣкъ испытываетъ свою нравственную свободу, укрѣпляетъ волю въ добръ и вълѣдствіе этого дѣлается болѣе и болѣе недоступнымъ для побужденій ко злу. Что эту именно воспитательную цѣль имѣютъ различныя искушенія и испытанія происходящія отъ злыхъ духовъ, можно ясно видѣть уже изъ того обстоятельства, что Богъ попускаетъ ихъ только по отношенію къ такимъ людямъ, которые уже обладаютъ болѣе или менѣе твердымъ нравственнымъ характеромъ и до известной степени уже укрѣпили свою волю въ добръ, такъ что легко могутъ преодолѣть всѣ соблазны и побужденія ко злу. Это показываетъ намъ напр. исторія Іова и многихъ благочестивыхъ людей какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завета. Между тѣмъ, люди слабые и колеблющіеся въ нравственномъ отношеніи обыкновенно бываютъ свободны отъ испытаній со стороны демоновъ. Такое не воспитательное значеніе имѣетъ и вѣдшательство діавола въ религиозную жизнь церкви Христовой, потому что спасительное ученіе І. Христа должно быть усвоено свободно и сознательно, къ чему и способствуютъ между прочимъ различныя ереси и расколы, посягаемые діаволомъ въ лонѣ церкви. Таковъ истинный смыслъ того факта, что Богъ попускаетъ злымъ духамъ враждебныя дѣйствія въ человѣческомъ мірѣ. Поэтому, если Востермайеръ ищетъ въ немъ аналогію съ предполагаемымъ противодействіемъ демоновъ Божественному творенію, то это совершенно несправедливо: если Богъ дѣйствительно позволялъ злымъ духамъ вѣдшиться въ Его творческую дѣятельность, то Онъ не могъ при этомъ имѣть въ виду никакихъ нравственныхъ цѣлей, какъ это мы видѣли въ исторіи человѣчества, потому что первобытныя творенія, погребенныя теперь въ нѣдрахъ земли, не обладали духовно-нравственною природою и потому не могли служить объектомъ воспитательной дѣятельности Бога. Фактъ

борьбы демоновъ съ Творцемъ остается слѣдовательно опять непонятнымъ и загадочнымъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что разбираемое предположеніе Вестермайера является неудовлетворительнымъ и въ богословскомъ отношеніи, потому что оно оставляетъ два весьма важныхъ неразрѣшимыхъ недоумѣнія: 1) чѣмъ объяснить со стороны самихъ демоновъ ихъ противоудѣйствіе Божественному творенію и 2) какую цѣль имѣлъ Богъ, дозволяя имъ такое противоудѣйствіе.

Въ заключеніе къ разбору гипотезы Вестермайера, мы должны сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній по поводу одного мнѣнія, принадлежащаго какъ этому богослову, такъ равно и Курцу, и оставленнаго нами безъ разсмотрѣнія. Оно касается характера библейской исторіи шестидневнаго творенія и состоитъ въ томъ, что эта исторія съ ея 6-ю творческими днями есть рядъ такого же числа пророческихъ видѣній, открытыхъ бытописателю и записанныхъ имъ въ томъ порядкѣ и послѣдовательности, въ какомъ они совершались. Мнѣніе это было подробно изложено нами раньше и теперь мы должны сдѣлать краткій разборъ его.

Какъ для Курца, такъ и для Вестермайера основаніемъ этого воззрѣнія служитъ та мысль, что событіе нлагаемое въ 1-й главѣ Бытія не могло сдѣлаться достояніемъ человѣческаго познанія чисто естественнымъ путемъ, такъ какъ, съ одной стороны, оно совершилось еще до появленія человѣка и слѣдовательно лежитъ позади человѣческаго опыта (Kurtz, Bibel und Astron. 38 стр.), а съ другой—истина Божественнаго творенія изъ ничего и точное разграниченіе этого творенія отъ послѣдующаго *образованія* матеріи, какое мы видимъ въ Моисеевомъ повѣствованіи, недоступны для естественныхъ способностей человѣка (Westermayer Das alte Test. 4 стр.). Все это заставляетъ признать, что „повѣствователь былъ наученъ непосредственно самимъ Творцомъ, такъ какъ безъ этого онъ не могъ бы избѣжать ошибокъ, свойственныхъ космогоніи всѣхъ другихъ народовъ“. Мы вполне согласны съ этими богословами относительно того, что повѣствованіе о шестидневномъ твореніи не могло произойти иначе, какъ только путемъ божественнаго Откровенія; но отсюда еще никакъ не слѣдуетъ, что это откровеніе было сообщено именно самому повѣствователю, а не кому-нибудь другому. Исторія творенія могла быть открыта человечеству въ самомъ началѣ его

существованія и потому уже путемъ преданія могла дойти до времени Моисея, который передалъ ее письменно для неповрежденнаго сохраненія во всѣхъ послѣдующихъ родахъ. При этомъ всѣ неточности и ошибки, вправшіяся въ преданіе съ теченіемъ времени, могли быть исправлены имъ при содѣйствіи Св. Духа, который руководилъ имъ при написаніи означенныхъ книгъ. Библейское сказаніе о твореніи будетъ имѣть при этомъ предположеніи чисто историческій, а не пророческій характеръ, будетъ заключать объективную истину, а не субъективное созерцаніе писателя, какъ думаютъ означенные богословы. Что указаный способъ сохраненія откровенной истины возможенъ, въ этомъ не должно быть никакого сомнѣнія. Нужно только обратить вниманіе на долговѣчность первыхъ патріарховъ и тогда мы ясно увидимъ, что откровенная истина весьма легко могла сохраняться въ родѣ человѣческомъ въ теченіи долгаго періода и достигнуть времени Моисея безъ особенныхъ измѣненій и искаженій. Если мы допустимъ, что исторія творенія была открыта Богомъ уже Адаму въ раю, то, по словамъ Вальтера, требовалось не болѣе, какъ только 3 посредствующихъ лица, чтобы это откровеніе было передано Аврааму, а именно: отъ Адама оно должно было перейти къ его дѣтямъ, отъ которыхъ непосредственно могъ получить его Ной, родившійся только спустя 126 лѣтъ послѣ смерти Адама; дѣти же Ноя, унаследовавшіе это преданіе отъ своего отца, могли сообщить его уже самому Аврааму, который родился вскорѣ послѣ смерти Ноя (Baltzer, Die biblische Schöpfungsgeschichte 1 ч. 51 стр.). Когда же Авраамъ сдѣлался отцемъ избраннаго народа, то эта откровенная истина вмѣстѣ съ различными обѣщаніями, полученными имъ отъ Бога, должна была сдѣлаться заветнымъ наслѣдствомъ его рода, переходя отъ отца къ сыну, отъ одного поколѣнія къ другому. Сохраняясь такимъ образомъ, она безъ всякихъ измѣненій должна была наконецъ сдѣлаться достояніемъ Моисея, который могъ получить ее, какъ вѣру отцевъ—Авраама, Исаака и Иакова отъ дѣтей Иосефа, такъ какъ этотъ послѣдній умеръ только за 64 года до рожденія Моисея (ibid. 52). Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если первобытное откровеніе о твореніи могло сохраниться во всей чистотѣ въ теченіе долгаго періода отъ Адама до Моисея. Въ этихъ естественныхъ средствахъ,

способствовавшимъ сохраненію первобытнаго откровенія въ родѣ человѣческомъ, мы должны присоединить еще сверхъестественное содѣйствіе Духа Божія, который руководилъ судьбами патріарховъ, направляя ихъ дѣятельность сообразно съ своими планами.

Но мы можемъ сказать еще болѣе: происхожденіе повѣствованія о шестидневномъ твореніи отъ Адама нужно считать не только *возможнымъ*, но и *вполнѣ естественнымъ* фактомъ. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о происхожденіи всего существующаго имѣетъ свое глубочайшее основаніе въ коренныхъ потребностяхъ человѣческаго духа и потому необходимо долженъ былъ возникнуть еще въ умѣ перваго человѣка, коль скоро онъ обратилъ свой взоръ на окружающіе его предметы и явленія видимаго міра. Это тѣмъ болѣе естественно, что его духовныя потребности въ его невинномъ состояніи не были еще заглушены чувственными влеченіями и, проявляясь во всей своей первобытной силѣ и чистотѣ, должны были настойчиво требовать себѣ удовлетворенія. Но такъ какъ этого удовлетворенія человѣкъ не могъ получить собственными своими силами, то здѣсь ему необходима была сверхъестественная божественная помощь. И нужно ожидать, что Творецъ не оставилъ человека безъ этой помощи, потому что, вложивъ въ его душу такіа потребности, Онъ не могъ оставить ихъ безъ удовлетворенія и тѣмъ самымъ доставить человеку источникъ постоянныхъ страданій. Такимъ образомъ вполнѣ естественно, что Богъ, являвшійся учителемъ и наставникомъ человека въ раю, на первыхъ же порахъ его существованія сообщилъ ему и познаніе о сотвореніи міра со всею подробностію и обстоятельностью. Мы можемъ утверждать это съ значительною вѣроятностію еще на другомъ основаніи. По сотвореніи человека, Богъ заключилъ съ нимъ союзъ, и какъ членъ такого союза, человекъ вначалѣ долженъ былъ имѣть ясное познаніе о своихъ обязанностяхъ и отношеніяхъ къ Богу, которыя могли быть указаны ему только самимъ Творцомъ. Но чтобы человекъ могъ ясно понимать и сознательно исполнять эти обязанности и требованія, для этого необходимо было представить ему самое основаніе ихъ, т.-е. необходимо было открыть, что по самому бытію своему человекъ находится въ необходимой зависимости отъ Бога, и показать, сколько заботливости и попеченія о человѣкѣ

Онъ обнаружилъ при сотвореніи міра и въ частности земли, которую Онъ назначилъ въ жилище для человѣка и устроилъ вполне сообразно съ этимъ назначеніемъ. Следовательно, на первыхъ же порахъ существованія человѣка Богъ долженъ былъ открыть ему самое подробное и обстоятельное познаніе о сотвореніи міра, которое и могло сохраняться въ родѣ человѣческомъ указаннымъ выше способомъ.

Если мы изъ области теоретическихъ разсужденій перенесемся теперь на почву фактовъ, то увидимъ, что они еще болѣе увеличиваютъ вѣроятность нашего предположенія, возвышая ее почти до степени достовѣрности. Факты эти мы можемъ замѣстовать главнымъ образомъ изъ области восточныхъ языческихъ космогоній. Въ религіяхъ—персидской, вавилонской, индійской, китайской и др. мы находимъ ученіе о происхожденіи міра во многомъ сходное съ библейскимъ ученіемъ о шестидневномъ твореніи. Конечно въ указанныхъ космогоніяхъ находится много фантастическихъ и оригинальныхъ подробностей, свойственныхъ исключительно характеру восточнаго міровоззрѣнія и несущихъ на себѣ національный отпечатокъ; но если мы отбросимъ въ нихъ эту скорлупу національности, то оставшееся зерно ихъ будетъ заключать въ себѣ только тѣ черты, которыя вполне сходны съ библейскимъ ученіемъ. Такъ, напр. по ученію персидской религіи, Ормуздъ въ сообществѣ съ амшаспандами творитъ небо, воду, землю, деревья, животныхъ и человѣка въ продолженіи 6-ти періодовъ, такъ что здѣсь не только число творческихъ періодовъ (независимо отъ ихъ продолжительности) вполне согласно съ библейскими 6-ю днями, но и самыя дѣла творенія упоминаются почти тѣ же и въ томъ же порядкѣ, какъ это мы видимъ въ Библии. Подобнымъ же образомъ и другія космогоніи заключаютъ въ себѣ черты сходныя съ Моисеевымъ повѣствованіемъ. По вавилонской космогоніи, напр. вначалѣ всего существовалъ только мракъ и вода, что весьма явнѣ напоминаетъ собою 2-й ст. Моисеева шестоднева. Въ индійскихъ законахъ Ману говорится, что Брахма въ продолженіи года сидѣлъ въ міровомъ яйцѣ, а потомъ, раздѣливши его на двѣ половины, изъ одной образовалъ небо, а изъ другой землю, и какъ ни странно такое представленіе, однако нельзя не узнать въ немъ фантастическаго перевода словъ Библии, „и Духъ Божій носашеся верху

воды". Подобное же представлѣніе о міровомъ яйцѣ находится и въ другихъ космогоніяхъ. Итакъ, откуда же произошли всѣ эти черты сходства между библейскимъ сказаніемъ и воззрѣніями языческихъ народовъ? Нельзя конечно предположить, что всѣ эти воззрѣнія были заимствованы изъ Моисеева повѣствованія о твореніи, такъ какъ вслѣдствіе замкнутости народа израильскаго, по крайней мѣрѣ въ первое время его существованія, его религіозныя воззрѣнія не могли распространиться такъ широко между всеми восточными народами; этому распространенію много могло препятствовать и то обстоятельство, что многіе изъ языческихъ народовъ находились по отношенію въ евреямъ какъ въ политической, такъ и въ религіозной враждѣ, которая не позволяла бы имъ заимствовать что-нибудь изъ Моисеева ученія. Нельзя объяснить указанныя черты сходства между библейскимъ ученіемъ и языческими космогоніями какимъ-нибудь случайнымъ совпаденіемъ. Естественнѣе всего поэтому для объясненія рассматриваемаго факта предположить, что какъ Моисей, такъ и другіе восточные народы пользовались въ данномъ случаѣ однимъ общимъ источникомъ, т. е. первобытнымъ преданіемъ, которое, получивъ свое начало въ центрѣ человѣчества, выѣстъ съ разсѣяніемъ людей по всему земному шару получило всеобщее распространеніе и было переработано сообразно съ національными особенностями каждаго народа. Что же касается народа еврейскаго, то въ немъ оно могло сохраняться въ первобытной чистотѣ указаннымъ выше способомъ и переходя изъ рода въ родъ, могло еще въ неповрежденномъ видѣ дойти до временъ Моисея, который и записалъ его; нѣкоторыя же погрѣшности и неточности могли быть исправлены имъ при содѣйствіи Св. Духа. Если такимъ образомъ мы признаемъ происхожденіе библейскаго сказанія о твореніи отъ Адама, а не отъ самого Моисея, то должны будутъ пасть всѣ основанія, приводимыя въ пользу мнѣнія о субъективности этого сказанія, потому что тогда оно будетъ заключать въ себѣ объективную историческую истину, а не субъективный способъ воззрѣнія бытописателя. Тогда уже нельзя будетъ сказать, что въ повѣствованіи о шестидневномъ твореніи „авторъ изображаетъ то, что *видѣлъ*, и изображаетъ именно такъ, какъ *видѣлъ*“, что оно поэтому есть „рядъ картинъ, которыя раскрывались предъ его умственнымъ взоромъ и т. д.“ (Westermayer 5 стр.).

Въ обѣихъ разсмотрѣнныхъ нами видахъ гипотезы возстановленія, относящихся происхожденіе ископаемыхъ остатковъ органическаго міра ко времени *до* шестидневнаго творенія, ясно обнаруживается стремленіе по возможности удержать буквальное пониманіе творческихъ дней, — въ смыслѣ 24-хъ часовыхъ періодовъ времени, несмотря даже на субъективизмъ, усвоенный ими Моисееву повѣствованію. Если Курцъ и не высказывается объ этомъ прямо, то Вестермайеръ съ своей стороны положительно старается защитить воззрѣніе, что дни творенія, изображенные въ Моисеевомъ повѣствованіи, были обыкновенные дни составляющіе нашу недѣлю, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ 24-хъ часовъ (*Das alte Test.* 147), хотя это и трудно согласить съ вышеприведеннымъ пониманіемъ этихъ дней въ смыслѣ *пророческихъ картинъ*, раскрывавшихся предъ глазами Бытописателя. Теперь мы должны разсмотрѣть еще одно видоизмѣненіе этой гипотезы, принадлежащее богослову Деличу и изложенное въ его сочиненіи: „*Commentar über die Genesis*“. Его теорія соединяетъ въ себѣ черты какъ гипотезы возстановленія, такъ и гипотезы соглашенія и можетъ быть поэтому разсматриваема, какъ посредствующее звено между этими двумя гипотезами. Подобно Вестермайеру, онъ утверждаетъ, что твореніе міра было борьбою Творца съ демоническими силами, которыя воздѣйствовали на ходъ творенія и производили въ сотворенныхъ Богомъ животныхъ различныя противоестественныя смѣшенія, взаимное истребленіе, болѣзни, смерть и т. п. (*Delitzsch Commentar u. die Gen.* 117 стр.). Подобно ему, онъ этимъ именно и объясняетъ происхожденіе чудовищныхъ и страшныхъ животныхъ формъ, открытыхъ палеонтологіею въ различныхъ пластахъ земной коры. Въ этомъ пунктѣ онъ соприкасается такимъ образомъ съ гипотезою возстановленія; но въ рѣшеніи вопроса о времени происхожденія ископаемыхъ организмовъ онъ представляетъ отлечіе, которое поставяетъ его на сторону конкордистовъ. Въ противоположность Курцу и Вестермайеру, онъ нашелъ возможнымъ отнести происхожденіе этихъ организмовъ вмѣстѣ съ содержащими ихъ неорганическими пластами къ самой эпохѣ шестидневнаго творенія (*ibid.* 116 стр.), признавши такимъ образомъ творческіе дни за цѣлые періоды. Но его теорія представляетъ при этомъ ту особенность, что относитъ ко времени собственно шестидневнаго творенія про-

исхожденіе только тѣхъ организмовъ, которые принадлежать къ ископаемому міру; происхожденіе же растений и животныхъ современныхъ человѣку относится ею къ послѣдующему времени, именно къ тому творенію, о которомъ говорится во 2-й главѣ Быт., начиная съ 4-го стиха. Такъ какъ, по мнѣнію Делича, творенія 3-го, 5-го и 6-го дней были извращены вслѣдствіе вліянія злыхъ духовъ, противодѣйствовавшихъ Божественному творческому дѣлу, то они были уничтожены и погребены въ землѣ; на мѣсто же ихъ Богъ вызвалъ наконецъ къ бытію такіе роды растений и животныхъ, которые вполне соответствовали тому, кто долженъ былъ сдѣлаться ихъ господиномъ, т.-е. человѣку. Объ этомъ-то твореніи и говорится во 2-й главѣ. Такимъ образомъ по этой теоріи, каждое творческое дѣло не ограничивалось свойственнымъ ему днемъ, но простиралось и за предѣлы его, такъ что, по словамъ Делича, „въ Быт. 2, 4 соединяются такъ-сказать послѣдніе концы всего творенія“ (Соп. и. Genes. 118 стр.). Эти-то послѣдніе члены твореній и составляютъ тотъ міръ, который существуетъ одновременно съ человѣкомъ.

Нужно въ заключеніе замѣтить еще то, что теорія Делича въ первоначальномъ своемъ видѣ имѣла весьма мало общаго съ гипотезою возстановленія: такъ какъ она отрицала существованіе первобытной земли, обращенной потомъ въ состояніе *tohu vabohu* и возстановленной въ шестидневномъ твореніи. Хаосъ 2-го стиха Деличъ понималъ въ смыслѣ „чистой матеріи“, сотворенной Богомъ изъ ничего и представлявшей субстратъ для послѣдующихъ образованій (Сопш. и. Gen. 64). Эта теорія была сходна съ гипотезою возстановленія только въ томъ отношеніи, что допускала вѣсть съ нею вліяніе демоновъ на происхожденіе ископаемыхъ организмовъ. Но такъ какъ при этомъ воззрѣніи Деличъ не могъ бы представить никакого основанія въ пользу своего мнѣнія о вѣшательствѣ злыхъ духовъ въ дѣло творенія, то ему необходимо было окончательно стать на сторону рести-туціонистовъ, что онъ и сдѣлалъ въ послѣдующихъ изданіяхъ своего сочиненія. Здѣсь онъ признаетъ разрушеніе первобытной земли вслѣдствіе паденія ангеловъ и возстановленіе ея въ шестидневномъ твореніи, подобно тому, какъ это мы видѣли у Курца и Вестермайера, удерживая въ то же время свое прежнее мнѣніе о времени происхожденія какъ ископаемыхъ организмовъ,

такъ и тѣхъ, которые являются представителями современнаго міра.

Такъ какъ, съ одной стороны, вопросы о существованіи особенной первобытной земли, о разрушеніи ея вслѣдствіе паденія ангеловъ, о противорѣчивости падшихъ духовъ Божественной творческой силѣ и др. были изслѣдованы нами ранѣе, а съ другой—сопоставленіе дней творенія съ геологическими періодами будетъ рассмотрѣно нами въ слѣдующей главѣ, то въ теоріи Делича намъ остается собственно обратить вниманіе только на тотъ пунктъ, который составляетъ характеристическую ея особенность и не относится въ строгомъ смыслѣ ни къ гипотезѣ возстановленія, ни къ гипотезѣ соглашенія. Мы разумѣемъ здѣсь то мнѣніе Делича по которому твореніе нынѣ существующаго органическаго міра относится къ времени послѣ шестидневнаго творенія и отождествляется съ тѣмъ твореніемъ, о которомъ говорится во 2-й гл. кн. Бытія. Это мнѣніе возникло вслѣдствіе кажущихся противорѣчій между 1-й и 2-й главами кн. Бытія, а именно тѣми мѣстами, гдѣ говорится о твореніи организмовъ. По словамъ Делича, это твореніе въ той и другой главѣ описывается не одинаково: по изображенію 1-й главы, растенія и животныя были сотворены прежде человека, тогда какъ во 2-й главѣ твореніе ихъ поставляется въ непосредственную близость къ появленію человека, и именно такъ, что растенія являются прежде, а животныя послѣ человека. Въ виду этихъ противорѣчій, Деличу представлялось невозможнымъ отнести оба эти описанія къ одному и тому же творенію, и онъ призналъ здѣсь два совершенно отдѣльныхъ творенія, изъ которыхъ первое относится къ ископаемымъ организмамъ, а второе,—къ современному намъ органическому міру. Такимъ образомъ, разбираемая теорія Делича всецѣло основывается на предположеніи двухъ различныхъ твореній, описанныхъ въ 1-й и 2-й гл., а потому ея судьба зависитъ исключительно отъ того, дѣйствительно ли между указанными главами существуетъ противорѣчіе въ описаніи творенія, или же это противорѣчіе только мнимое, допускающее возможность примиренія. На этомъ вопросѣ мы слѣдовательно и должны остановитъ свое вниманіе, чтобы узнать, насколько разбираемая теорія можетъ быть признана правильною.

Чтобы правильно понять и истолковать Моисеево сказаніе о

творенія организмовъ, содержащееся во 2-й главѣ намъ необходимо усвоить себѣ то отношеніе, въ которомъ эта глава наклонится къ предыдущей, и ту идею, которая руководила Бытописателемъ при измѣненіи его мыслей. Въ 1-й главѣ Моисей подробно говоритъ о происхожденіи вселенной и особенно объ устройствѣ нашей планеты, назначенной въ жилище человѣку, заканчивая свою исторію творенія повѣствованіемъ объ освѣщеніи 7-го дня, какъ дня Божественнаго покоя или субботы Творца (2, 3). Далѣе онъ переходитъ уже къ самой исторіи сотворенныхъ существъ,—и въ частности,—человѣка, какъ царя вселенной, о чемъ онъ предупреждаетъ своихъ читателей въ особомъ вступленіи: „Сія книга бытія небесе и земли, егда бысть, въ онѣже день сотвори Господь Богъ небо и землю“ (4 ст.), т.-е. вотъ исторія неба и земли съ того времени, какъ Богъ сотворилъ небо и землю. Въ этомъ вступленіи, предпосылаемомъ собственно исторіи человечества, говорится о небѣ и землѣ, естественно, потому, что съ этой исторіей тѣсно и неразрывно связана также и исторія всей вселенной. Такимъ образомъ эта глава является только продолженіемъ предыдущей и въ частности имѣетъ своимъ предметомъ изображеніе того состоянія, въ которомъ находился человѣкъ въ первое время своего существованія, и того событія, которое совершилось въ это время и имѣло весьма важное значеніе для послѣдующей его судьбы, т.-е. грѣхопаденія первыхъ людей. Этими-то именно главными предметами и опредѣляются всѣ прочія частности и подробности содержанія 2-й главы. Говоря о первобытномъ состояніи человѣка, Моисей долженъ былъ дать описаніе того жилища, которое было назначено ему первоначально отъ Бога, т.-е. рая или Эдемскаго сада. Но чтобы показать, что не только *устройство* рая приспособительно къ человѣку, но и самое *происхожденіе* его на землѣ зависѣло всецѣло отъ творческаго всемогущества Божія, Бытописателю нужно было предпослать краткое замѣчаніе о происхожденіи растительнаго царства вообще,—слѣдовательно опять обратиться къ 1-й главѣ и повторить то, что сказано тамъ объ этомъ предметѣ. Это онъ и дѣлаетъ въ 5-мъ стихѣ. Здѣсь, какъ и въ предыдущей главѣ (11—12 ст.), онъ указываетъ на то, что всякій злакъ и всякая трава сотворены самимъ Богомъ безъ всякаго участія со стороны человѣка и безъ содѣйствія естественныхъ благопріятныхъ условій, такъ какъ оба эти фактора

въ то время еще не существовали. Этимъ-то и объясняется повѣствованіе Моисея о сотвореніи растеній непосредственно предъ сотвореніемъ человѣка. Подобнымъ же образомъ мы можемъ объяснить и то обстоятельство, что о сотвореніи животныхъ говорится здѣсь уже послѣ разсказа о сотвореніи человѣка. Это находится въ связи съ другимъ изъ указанныхъ нами главныхъ предметовъ содержанія 2-й главы. Чтобы дать своимъ читателямъ ясное понятіе объ исторіи грѣхопаденія, въ которой видную роль играла жена, Моисей долженъ былъ сообщить разсказъ о сотвореніи последней. Но такъ какъ дѣло твореніе жены было со стороны Бога только исполненіемъ желанія самого человѣка, а это желаніе было вызвано у него сознаніемъ своего одиночества, которое онъ почувствовалъ при созерцаніи животныхъ, приведенныхъ къ нему Богомъ, — то и здѣсь опять для устраненія всякихъ недоумѣній относительно происхожденія этихъ животныхъ повѣствователь долженъ былъ напомнить читателямъ о томъ, что всѣ животныя созданы Богомъ, какъ это было сказано имъ въ 1-й главѣ. Этимъ именно и обуславливалось происхожденіе особеннаго сказанія о твореніи животныхъ (19 ст.), стоящаго въ такомъ очевидномъ противорѣчій съ повѣствованіемъ предыдущей главы. Такимъ образомъ, мнимое противорѣчіе между 1-й и 2-й гл. книги Бытія весьма легко примиряется, коль скоро мы внимательно рассмотримъ содержаніе последней изъ этихъ главъ и постараемся выяснитъ себѣ ту тѣсную связь, которая соединяетъ въ одно неразрывное цѣлое всѣ отдѣльныя подробности и частныя факты, повидимому неимѣющіе существеннаго отношенія къ предмету Моисеева разсказа, изложеннаго въ этой главѣ. Вслѣдствіе этого, исторія Делича о происхожденія современнаго органическаго міра послѣ шестидневнаго творенія, основывающаяся исключительно только на этомъ противорѣчій, теряетъ для себя всякую опору и оказывается даже въ полнѣйшемъ разногласіи съ ученіемъ Библіи, потому что въ ней въ такомъ случаѣ не находится уже никакого основанія предполагать два различныя творенія.

Кромѣ того, мнѣніе Делича опровергается и самымъ текстомъ библейскаго повѣствованія, содержащагося какъ въ той, такъ и въ другой главѣ. Онъ говоритъ, что творческія пропавденія 3-го, 5-го и 6-го дня, подвергнувшіяся разрушительному влія-

нію злыхъ духовъ, были уничтожены (конечно, какъ несоотвѣтствующія своей идее). Но что же означаютъ въ такомъ случаѣ настойчиво повторяемыя Моисеемъ слова: „и видѣ Богъ, яко добро“, которыми онъ заканчиваетъ повѣствованіе о твореніи каждаго рода организмовъ (13, 21, 25 ст.)? Очевидно, онъ желаетъ этимъ какъ можно яснѣе показать своимъ читателямъ, что произведенія каждаго творческаго дня оказывались вполне соотвѣтствующими вѣчной Божественной идее о нихъ и если заслуживали одобреніе самого Творца, то значить имѣли полное право на существованіе во всѣ послѣдующія времена,—право, которое дѣйствительно и признано за ними самимъ Богомъ, когда Онъ благословилъ животныхъ и повелѣлъ имъ плодиться и размножать свой родъ. Слѣдовательно, не было никакой необходимости уничтожать ихъ и создавать на мѣсто ихъ новыя, совершеннѣйшія творенія, какъ это признаетъ теорія Делича. Далѣе, и второе положеніе этой теоріи—о созданіи современныхъ органическихъ формъ послѣ шестидневнаго творенія—также находить для себя опроверженіе въ библейскомъ текстѣ. Если думать найти указаніе на это второе твореніе въ 5-мъ и 19-мъ ст. 2-й главы, то противъ этого прямо говоритъ текстъ того же 5-го стиха: „и всякій злакъ сельный (сотвори Богъ), *прежде даже быти на земли*, и всякую траву сельную, *прежде даже прозябнути*“. Изъ этихъ словъ видно, что твореніе растений, упоминаемое здѣсь, было *первоначальное*, не имѣвшее предъ собою никакого ранѣе бывшаго творенія, такъ какъ въ противномъ случаѣ нельзя было бы сказать: Богъ сотворилъ траву, злакъ, которыхъ *прежде не существовало*. Между тѣмъ, еслибы мнѣніе Делича было справедливо, то упоминаемое въ данномъ стихѣ твореніе было бы вторымъ и предполагало бы уже ранѣе бывшее твореніе, для котораго оно служить какъ бы дополненіемъ и исправленіемъ. Слѣдовательно, это мнѣніе оказывается въ прямомъ противорѣчіи съ теперешнимъ чтеніемъ 5-го стиха. Но если твореніе, описанное въ этомъ стихѣ, нельзя отождествлять съ предполагаемымъ новымъ твореніемъ Делича, то по аналогіи нужно то же сказать и относительно творенія, о которомъ говоритъ 19-й стихъ.

РАЗБОРЪ МНѢНІЙ

О ШЕСТИДНЕВНОМЪ ТВОРЕНІИ *

III.

Гипотеза соглашенія.

Естественно-научные и богословскіе недостатки гипотезы возстановленія были слишкомъ очевидны, чтобы она долгое время могла удовлетворять потребностямъ богословской мысли. Кажущаяся легкость, съ какою эта гипотеза устраняла всѣ важнѣйшія противорѣчія между Библіею и естествознаніемъ въ вопросѣ о происхожденіи міра, пріобрѣла ей вначалѣ очень многихъ защитниковъ не только среди богослововъ, но и среди геологовъ, которымъ были дороги интересы религіи. Такимъ уваженіемъ пользовалась она преимущественно въ первой половинѣ настоящаго столѣтія. Но по мѣрѣ того, какъ геологія и палеонтологія болѣе и болѣе обогащались достовѣрными фактами и положительными научными данными, пріобрѣтенными посредствомъ тщательнаго изслѣдованія земной коры,—слабыя стороны гипотезы возстановленія должны были обнаруживаться яснѣе и яснѣе, а вмѣстѣ постепенно должно было ослабѣвать и прежнее значеніе ея. Такимъ образомъ, если въ настоящее время у ней еще и найдутся какіе-либо защитники и представители, то ихъ,

* См. ноябр. кн. „Прав. Обзор.“ за 1886 г.

бесѣ сомнѣній, весьма немногѣ. Невразвѣнно большаго значенія пользуется теперь въ божественномъ мірѣ другимъ изъ примитивныхъ гипотезъ, называемая гипотезою согласія. Можно сказать, что въ настоящее время эта гипотеза пользуется всеобщимъ признаніемъ какъ среди ученыхъ западныхъ богослововъ, такъ и среди естественныхъ ученыхъ, и считается единственно возможнымъ способомъ привести въ согласіе между собою библейское ученіе о твореніи—съ одной стороны, и несомнѣнные выводы геологій и палеонтологій—съ другой. Разсмотрѣніемъ этой гипотезы мы и займемся въ настоящей главѣ.

Центральнымъ пунктомъ, около котораго сосредоточиваются все изслѣдованія, разсужденія и доказательства, здѣсь, какъ и въ первой гипотезѣ, служитъ вопросъ о времени происхожденія ископаемыхъ организмовъ—примѣнительно къ библейскому описанію о шестидневномъ твореніи, потому что къ рѣшенію этого вопроса собственно и сводится примѣненіе библейскаго и естественнаго научнаго ученія о происхожденіи міра, какъ это уже было замѣчено нами вѣстала. Вопросъ этотъ въ гипотезѣ согласія рѣшается иначе, чѣмъ въ гипотезѣ возстановленія. Представители этой послѣдней въ большинствѣ случаевъ считали необходимымъ отнести происхожденіе геологическихъ и палеонтологическихъ фактовъ къ эпохѣ, предшествовавшей шестидневному творенію, стараясь чрезъ это по возможности удержать прямой и непосредственный смыслъ библейскихъ дней творенія. Между тѣмъ защитники разбираемой гипотезы вынуждены естественнымъ и возможнымъ образомъ указать факты къ самому періоду шестидневнаго творенія, утверждая, что открытымъ палеонтологіею растенія и животныя суть именно тѣ самыя, которыя вышли непосредственно изъ рукъ Творца въ 3-й, 5-й и 6-й дни творенія¹⁾. Такая постановка дѣла опредѣляетъ со-

¹⁾ Мы видѣли, правда, что и Делитъ, который была причисленъ нами къ представителямъ гипотезы возстановленія, также относитъ происхожденіе ископаемыхъ организмовъ ко времени шестидневнаго творенія. Но этихъ нѣсколько не уничтожается указанное различіе одной гипотезы отъ другой, потому что, какъ было уже сказано нами, Делитъ соединяетъ въ своей теоріи отличительныя черты обѣихъ гипотезъ и въ данномъ случаѣ примыкаетъ именно къ гипотезѣ согласія.

бо не всѣ отличительныя особенности и характеристическія черты гипотезы соглашения. Прежде всего, если допустить, что всѣ окаменѣлыя растенія и животныя выйдѣ изъ содержавшихъ ихъ неорганическихъ пластовъ и формаціи произошли въ продолженіе шестидневнаго творенія, то необходимо признать, что это послѣднее продолжалось не шесть обыкновенныхъ 24-часовыхъ дней, но громадные періоды времени, что слѣдовательно каждый изъ библейскихъ дней творенія заключаетъ въ себѣ не 24 часа, но можетъ-быть цѣлыя тысячелѣтія, такъ какъ протеканіе всѣхъ геологическихъ фазисовъ требовало для себя неизмѣримо долгаго времени. Результаты естественнаго необходимо приводили къ такому расширенію библейскихъ дней творенія. „Физическіе факты, говоритъ одинъ изъ представителей гипотезы соглашения, — французскій геологъ Марсель де-Серрезъ, — органическіе факты показываютъ, что между сотвореніемъ органическихъ существъ, которыя явились на земной поверхности, и сотвореніемъ человека совершились многочисленныя измѣненія, или, если угодно, многочисленныя революціи, и первоначально созданныя виды, за которыми слѣдовали нынѣ настоящія породы, были уничтожены... Какъ можно еще послѣ такихъ фактовъ принимать, что эти или подобныя революціи и столь многочисленныя измѣненія могли совершиться въ такое краткое время, какъ 6 дней творенія? Эти факты, заключаетъ онъ, показываютъ, что шесть дней творенія нужно рассматривать не какъ аналогичные нашимъ 24-часовымъ днямъ, но скорѣе, какъ неопредѣленные *periods*“ (Marcel de Serres. *Die Kosmogonie des Moses* 1841 г. 14 стр.).

Такое пониманіе творческихъ дней повидимому прямо противорѣчитъ тексту библейскаго повѣствованія, гдѣ каждый день ограничивается вечеромъ и утромъ и, слѣдовательно, употребляется въ обыкновенномъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ краткаго періода времени, состоящаго изъ 24-хъ часовъ. Но защитники разбираемой гипотезы устраняютъ это возраженіе и стараются оправдать ее также и въ экзегетическомъ отношеніи. Прежде всего, утверждаютъ они, еврейское слово *jom*, которое въ данномъ случаѣ переводится обыкновенно въ значеніи „день“, „не имѣетъ на языкѣ Св. Писанія постоянного и неизмѣннаго смысла, вообще оно означаетъ скорѣе неопредѣленный періодъ вре-

меня, чѣмъ определенное и ограниченное время, поковы наши 24-часовые дни. Въ этомъ смыслѣ употребляютъ его и самъ Моисей въ книгѣ Бытія. Тамъ, уже непосредственно послѣ изображенія послѣдовательныхъ дней творенія въ отдаленности онъ ставитъ такое замѣчаніе: „Сія книга бытія небесе и земли, отъ бытія, въ *омаже* день сотвори Господь Богъ небо и землю“ (2, 4). Употребленное здѣсь слово „день“, очевидно, относится къ цѣлому періоду творенія и объимаетъ собою все то время, которое непосредственно предъ этими предстанлено въ видѣ шести творческихъ дней; следовательно, въ данномъ случаѣ оно имѣетъ значеніе времени вообще, или неопределеннаго періода, эпохи (Marc. Serr. Kosmog. d. Mos. 16 стр.). Указываютъ, даже, на то обстоятельство, что 7-й день, въ который Богъ почилъ отъ дѣлъ творенія,—день Божественнаго покоя или суббота, въ Библіи принимается въ смыслѣ неопределенно долгаго періода времени, потому что онъ не ограничивается здѣсь предѣлами вечера и утра, откуда следовательно можно заключить, что онъ продолжается еще и до настоящаго времени. Но если этотъ день въ библейскомъ повѣствованіи о твореніи является наряду съ прочими днями, какъ одна изъ основныхъ частей Божественной творческой недели, то, измѣряя его продолжительностію долгого шести дней творенія, необходимо прийти къ заключенію, что и эти послѣдніе объимали собою неопределенно долгіе періоды времени (Меньшицъ, Міръ и первобыт. челов., 1872 г. 16 стр.). Кромѣ этихъ доводовъ, заимствованныхъ изъ употребленія слова „день“ въ самой книгѣ Бытія, защитники разбираемаго воззрѣнія ссылаются еще на другія мѣста Свящ. Писанія, гдѣ это слово также встрѣчается въ значеніи неопределеннаго періода времени. Такъ напримѣръ указываютъ на 89-й пс., гдѣ между прочимъ сказано, что „тысяча лѣтъ предъ очами Божиими, какъ день вчерашній, который прошелъ“ (5); и этому мѣсту придаютъ тѣмъ большее значеніе, что происхожденіе указаннаго псалма приписывается самому Моисею. Точно также и на языкѣ Новаго Завѣта слово „день“ употребляется иногда въ смыслѣ неопределеннаго времени; такъ, ап. Петръ, употребляя выраженіе: „во дни Ноя“, означаетъ этимъ собственно эпоху или время Ноя (Marc. Serr. Kosmog. d. Mos. 23 стр.). На основаніи всѣхъ этихъ и многихъ другихъ случаевъ предполагаютъ, что

и др. Моисеевымъ повествованіемъ о твореніи слова „день“ употреблено въ значеніи неопредѣленномъ долгаго времени, такъ что шесть дней означаютъ еднѣ шесть большихъ періодовъ или эпохъ, а не шесть обыкновенныхъ дней, опредѣленныхъ восходомъ и заходомъ солнца. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и на самому библейскому сказанію первые три дня не были опредѣлены суточными движеніями солнца, которое явилось только въ 4-й день, следовательно и относительно послѣднихъ творческихъ дней нужно сказать, что продолжительность ихъ не зависѣла отъ обращенія солнца (Даличъ). Что же касается теперь выраженія; „и бысть вечеръ и бысть утро“, то конечно и это нужно понимать не въ собственномъ смыслѣ; соответственно тому значенію, которое придается слову „день“, подъ вечеромъ и утромъ разумѣютъ обыкновенно конецъ и начало двухъ смежныхъ, непосредственно слѣдующихъ другъ за другомъ творческихъ періодовъ. Таковы экзегетическія основанія, на которыхъ утверждается гипотеза согласія.

Но если такимъ образомъ шесть дней творенія нужно понимать въ смыслѣ дѣльных періодовъ, въ продолженіе которыхъ произошли всѣ ископаемые организмы, находящіеся въ земной корѣ, выстѣ съ разнообразными неорганическими напластованіями этой послѣдней, если значитъ библейская исторія творенія есть изобразеніе постепеннаго развитія органической и неорганической жизни въ томъ самомъ видѣ, какъ оно представляется геологіею и палеонтологіею, то само собою понятно, что библейская исторія должна въ такомъ случаѣ вполне соответствовать естественной исторіи земли, Моисеево изобразеніе творенія должно быть совершенно согласно съ геологическими и палеонтологическими фактами, какъ они являются наблюдению. Такая внутренняя гармонія между Моисеевымъ Шестодневомъ и выводами естествознанія, дѣйствительно, признается представителями гипотезы согласія. Они утверждаютъ, что существуетъ полное согласіе между поставленнымъ повелѣніемъ различныхъ твореній по Библіи и послѣдовательнымъ развитіемъ міровой жизни, какъ оно является въ дѣйствительности. „Достойно примѣчанія, говоритъ Марсель де-Серресъ, что послѣдовательность древнихъ видовъ (органическихъ существъ), отъ которыхъ мы не находимъ никакого слѣда на земной поверхности, но которые открываемъ

въ пластахъ земли, является въ нихъ въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ мы видимъ ее въ прекрасной картинѣ творенія, данной намъ Моисеемъ“ (Die Kosmog. d. Mos. 14 стр.). Въ томъ собственно и состоитъ сущность гипотезы согласенія, что она проводитъ полную параллель между творческими дѣлами Божиими, описанными въ Моисеевомъ Шестодневѣ съ одной стороны, и послѣдовательнымъ развитіемъ земли, указываемымъ естественною наукою—съ другой.

Чтобы составить себѣ ясное представленіе о томъ, какимъ образомъ конкордисты стараются установить гармонію между дѣлами творенія и естественною исторіею образованій нашей планеты, основанною на фактическихъ данныхъ, мы должны прежде всего ближе познакомиться съ выводами геологій относительно строенія земной коры и взаимнаго отношенія между собою различныхъ пластовъ, служащихъ ея составными частями.

Значительное большинство геологовъ согласны между собою, что внутренность земной коры открываетъ наблюденію слѣды двойнаго ея происхожденія: одна часть ея, представляющая кристаллическое образованіе, признается обыкновенно продуктомъ огненныхъ дѣтелей, а другая—послѣдъ въ себѣ слѣды осадочнаго образованія, составляетъ въ зависимость отъ дѣйствія воды²⁾. Происхожденіе кристаллическихъ горныхъ породъ разсматривается, какъ результатъ дѣйствія подземнаго огня, хотя геологи и не могутъ еще сказать ничего достовѣрнаго относительно сущности этой силы и образа ея дѣйствія въ процессъ образованія земли, ограничиваясь одними только гипотезами и догадками. Съ большою опредѣленностію утверждаютъ о происхожденіи осадочныхъ горныхъ породъ, такъ какъ объ этомъ можно составить довольно ясное понятіе на основаніи наблюдений надъ дѣятельностію воды, обнаруживающеюся въ настоящее время и производящею еще и теперь въ малыхъ размѣрахъ то,

²⁾ Некоторая часть геологовъ старается доказать то предположеніе, что образованіе всей земной коры, не исключая и той ея части, которая представляетъ кристаллическое строеніе, совершилось подъ вліяніемъ водныхъ дѣтелей и что огненные силы здѣсь не принимали никакого участія—почему и сами геологи эти называются обыкновенно „нептунистами“. Но такъ какъ это мнѣніе не можетъ быть названо господствующимъ, то мы и оставляемъ его въ сторонѣ.

что открываютъ намъ геодогическія изслѣдованія первобытныхъ минеральныхъ образованій. Эти осадочныя породы образовались въ слѣдствіе отложенія минеральныхъ веществъ, наполнявшихъ собою первобытныя моря, озера и рѣки. Такое отложеніе совершалось частію механическимъ путемъ, когда вещества не были растворены въ водѣ, но только механически смѣшивались съ нею (такъ отлагались, напр. песокъ, илъ, гравій и т. п.), частію химическимъ, если вода была насыщена химически растворенными въ ней минералами (напр. известью, кремнеземомъ, окисью желѣза и др.). Результатомъ такихъ отложеній были разнообразныя пласты, расположенные одинъ надъ другимъ и представляющіе иногда довольно рѣзкое различіе между собою по своему минеральному составу. Первоначальное положеніе такихъ пластовъ было горизонтальное, какъ это и теперь можно видѣть во многихъ изъ нихъ; но значительная часть ихъ приподнята дѣйствіемъ вулканическихъ силъ и поставлена въ наклонномъ, а иногда даже въ вертикальномъ положеніи. Относительно расположенія осадочныхъ пластовъ и способа соединенія ихъ между собою прежде полагали, что они образуютъ разномырно концентрическіе круги вокругъ всего земнаго шара и соединяются между собою, подобно чашечкамъ лука, со всѣхъ сторонъ покрывающимъ другъ друга. Но при ближайшемъ ознакомленіи съ внутренностію земли, такое предположеніе оказалось несправедливымъ. Морскія отложенія никогда не происходили одновременно на всей поверхности земнаго шара, но всегда въ отдѣльныхъ большихъ или малыхъ морскихъ бассейнахъ; а такъ какъ географическое распредѣленіе моря и суши съ теченіемъ времени постоянно измѣнялось, особенно въ слѣдствіе вулканической дѣятельности, то и морскіе осадки въ разное время появлялись въ различныхъ мѣстахъ, принимая разнообразныя очертанія. Въ слѣдствіе этого произошло то, что одна и та же осадочная порода встрѣчается въ различныхъ мѣстахъ, раздѣленныхъ большимъ пространствомъ, такъ что, хотя послѣдовательность пластовъ всегда остается неизмѣнною, но не всѣ они входятъ въ составъ каждой данной горной породы. Такимъ образомъ, въ одной горной породѣ часто недостаетъ такихъ членовъ, которые встрѣчаются въ другой, — и наоборотъ: одна содержитъ такіе напластованія, которыхъ нѣтъ въ другой. „Если, говоритъ

Рейнъ, обозначимъ 'отдѣльными формаци, какия вообще существуютъ, бузванд алфавита, то нигдѣ не встрѣчается несь рядъ А—Z, а обыкновенно только отдѣльныя буквы и въ благопріятныхъ случаяхъ отдѣльные ряды буквъ, — напримеръ, здѣсь АВЕТ, — такъ что недостаетъ С и D, въ другомъ мѣстѣ — BDE, такъ что нѣтъ А и С и т. п.; но нискогда не бываетъ соединенія: ACBD, такъ чтобы С лежала ниже, вмѣсто того, чтобы находиться выше В." (Bibel und Natur 217 стр.).

Итакъ, самый способъ образованія различныхъ составныхъ частей земной коры обуславливаетъ собою неодинаковость ихъ строенія. Въ этомъ отношеніи всѣ горныя породы раздѣляются вообще на два большихъ отдѣла. Однѣ изъ нихъ, имѣющія вулканическое происхожденіе, не представляютъ никакихъ слѣдовъ слоистаго расположенія, но составляютъ одну общую минеральную массу, характеризующую кристаллическимъ строеніемъ. Эти породы, составляющія нижнюю и въ то же время наибольшую по объему часть всей минеральной массы земной коры, признаются обыкновенно древнѣйшими по своему происхожденію, почему и называются *первозданными горами*; въ составъ ихъ входятъ: гранитъ, гнейсъ, порфиръ, базальтъ, слюдистый сланецъ и друг. Въ другому отдѣлу принадлежать всѣ вообще горныя породы осадочнаго происхожденія, состоящія изъ различныхъ, расположенныхъ параллельно между собою пластовъ; по своему строенію онѣ всѣ вообще называются *наслоенными горами* (Flözgebirge) — въ противоположность, — съ одной стороны, *первозданнымъ горамъ*, а съ другой, — *навыѣшнымъ или аллювиальнымъ образованіямъ*. По времени своего происхожденія всѣ эти слоистыя формаци обыкновенно раздѣляются на четыре главныя группы: первичную (древнѣйшая), вторичную, третичную и четвертичную. Первая изъ этихъ группъ называется еще иногда *переходными горами*, потому что въ ней, дѣйствительно, замѣчается переходъ отъ кристаллическихъ горныхъ породъ къ образованіямъ осадочнаго свойства. Въ составъ первичной группы входятъ двѣ главныя формаци: силурійская и девоновская¹⁾; вторичная — содержитъ слѣдующія

¹⁾ Какъ первый членъ этой группы, разсматривается иногда такъ-называемая камбрийская формация; но такъ какъ она по своему строенію очень близко подходитъ къ кристаллическимъ первозданнымъ горнымъ породамъ, съ которыми она

формаци: каменноугольную, пермскую, триасовую, юрскую и меловую; третичныя образованія раздѣляются по древности на такъ-называемыя еоценовую, міоценовую и пліоценовую формаци; наконецъ, четвертичныя образованія, или дилувій состоятъ изъ пластовъ, которые по своему происхожденію относятся къ періоду, непосредственно предшествовавшему исторической эпохѣ, начавшейся со времени появленія человека. Сверхъ всего этого, геологи различаютъ еще аллювіальныя образованія, которыя продолжаютъ совершаться до настоящаго времени, вслѣдствіе какъ нештуническихъ (водныхъ), такъ и вулканическихъ (огневыхъ) причинъ. Кромѣ этихъ особенностей, относящихся собственно къ составу и строенію горныхъ породъ, составляющихъ земную кору, онѣ различаются еще по палеонтологическимъ признакамъ, т.-е., по отношенію къ содержащимся въ нихъ окаменѣлымъ остаткамъ организмовъ. Въ этомъ отношеніи все геологическое время, въ продолженіе котораго совершалось образованіе земной коры, раздѣляется обыкновенно на четыре періода. Первый періодъ соотвѣтствуетъ древнѣйшимъ кристаллическимъ образованіямъ, или первозданнымъ горамъ. Такъ какъ въ этой части земной коры не найдено никакихъ признаковъ присутствія ископаемыхъ организмовъ, — слѣдовательно, никакихъ доказательствъ въ пользу существованія органической жизни во время ея образованія, то и періодъ этотъ называется обыкновенно *азоническимъ* (безжизненнымъ). Въ силурійской формаци въ первый разъ появляются органическіе остатки, хотя еще въ маломъ количествѣ и довольно несовершенныхъ видахъ; но съ этого времени количество и разнообразіе ихъ увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно усложняется и совершенствуется также и самая организація тѣхъ существъ, которымъ принадлежатъ остатки, приближаясь все болѣе и болѣе къ современнымъ органическимъ формамъ. Соотвѣтственно такому постепенному усовершенствованію организмовъ и приближенію ихъ къ настоящему органическому міру—геологи раздѣлили все время существованія и развитія на землѣ органической жизни на три періода: *палеозои-*

сказывается самымъ незамѣтнымъ образомъ, то и геогностическое опредѣленіе ея весьма затруднительно, вслѣдствіе чего безъ особенной погрѣшности ее можно и не причислять къ наслоеннымъ формацимъ.

ческий (древній). мезозоническій (средній) и кенозоническій (новый), изъ которыхъ первый обнимаетъ переходныя формаци и часть вторичной группы до пермской формаци включительно; второй соответствуетъ триасовой, юрской и мѣловой формаци; а третій заключаетъ въ себя время образованія третичныхъ и четвертичныхъ формаций. Сюда можно, пожалуй, присоединить еще пятый періодъ, обнимающій собою послѣднюю ступень въ исторіи развитія органической жизни, — періодъ, современный человѣку и соответствующій такъ-называемымъ аллювіальнымъ образованіямъ. Для большей наглядности всѣ эти результаты геологическихъ наблюденій можно представить въ слѣдующей таблицѣ:

I. Азойическій періодъ.	1. <i>Первозданныя юры</i> (гранит., гнейсъ, порфиръ и др. кристаллич. образованія).
II. Палеозоническій періодъ.	2. <i>Первичныя формаци</i> (переходъ горы): Силурійская. Девонская.
III. Мезозоническій періодъ.	3. <i>Вторичныя формаци</i> : Каменноугольныя. Пермская. Триасовая. Юрская. Мѣловая.
IV. Кенозоническій періодъ.	4. <i>Третичныя формаци</i> : Эоценовая. Миоценовая. Плиоценовая.
V. Новѣйшій періодъ.	5. <i>Четвертичная формация</i> (аллювіальныя образованія). 6. <i>Аллювій</i> или позднѣйшія отложенія.

Послѣ этого ознакомленія съ общими выводами геологіи относительно строенія земной коры и расположенія различныхъ составныхъ частей ея мы можемъ перейти къ гипотезѣ согласенія и указать тотъ способъ, посредствомъ котораго представители ея стараются привести въ согласіе между собою библейскую

исторію творенія и естественную исторію образованія земли и развитія органической жизни. Нѣкоторые конкордисты пытались провести полную параллель между всѣми шестью творческими днями и различными геологическими періодами землеобразованія, указывая для каждаго дня особый соотвѣтствующій періодъ. Такъ, напр. шотландскій геологъ Гугъ Миллеръ предполагалъ, что, первый день творенія, посвященный по Библіи созданію свѣта, соотвѣтствуетъ азоническому періоду, второй день соотвѣтствуетъ силурійско-девонскому періоду, въ связи съ которымъ поставляется образованіе атмосферы и т. п.⁴⁾ Но такая параллель не можетъ быть оправдана дѣйствительностью, потому что, во-первыхъ, творческое дѣло перваго дня имѣло общій характеръ, т.-е., относилось ко всей вообще вселенной, а не состояло только въ образованіи одной земли, вслѣдствіе чего къ этому дню и нельзя приравнивать какой-либо періодъ изъ геологической исторіи землеобразованія; во-вторыхъ, повѣствованіе Моисея не даетъ никакого повода думать, что во второй день были сотворены Богомъ какіе-либо организмы, которые однакожь встрѣчаются въ силурійско-девонскомъ періодѣ, сопоставляемомъ съ этимъ днемъ. Вслѣдствіе этого, богословы-конкордисты обыкновенно начинаютъ проводить параллель между библейскою и геологическою исторіею землеобразованія только съ третьяго творческаго дня. Что же касается первыхъ двухъ дѣлъ творенія: созданія свѣта и образованія тверди или атмосферы, то въ своемъ соглашеніи библейскаго сказанія о нихъ съ выводами науки они ограничиваются только тѣмъ, что устраняютъ нѣкоторые возраженія противъ него, имѣющія свой корень болѣе въ недовѣріи къ авторитету Библіи, чѣмъ въ дѣйствительномъ ея противорѣчій фактамъ естественно-научнаго изслѣдованія. Таково, именно возраженіе противъ творенія свѣта прежде солнца, которое въ настоящее время служитъ главнѣйшимъ его источникомъ,—возраженіе, употреблявшееся врагами христіанства еще въ глубокой древности, какъ это видно, напр. изъ сочиненія Цельса. Но въ опроверженіе его и въ защиту Моисеева повѣствованія указываютъ обыкновенно на тѣ явленія, которыя свидѣтельствуютъ, что и въ настоящее время свѣтъ можетъ существовать незави-

⁴⁾ См. «Правосл. Обозрѣніе». 1874, I; 863 стр.

онно отъ солнца, наъ это можно видѣть, напримѣръ, въ сѣверномъ сіяніи и другихъ явленіяхъ свѣта, тѣсно связанныхъ съ дѣйствіемъ электричества, магнетизма, химическихъ силъ и т. п. Впрочемъ, указаніемъ на такія явленія стараются обыкновенно не столько уяснить сущность первобытнаго свѣта, сколько доказать возможность его самостоятельнаго существованія, независимого отъ солнца, и этимъ оправдать Моисеево сказаніе о первомъ днѣ творенія (Менъянъ, Міръ и первоб. чел. 32 стр.). Еще болѣе ненаучно и потому еще меньше имѣетъ значенія возраженіе, касающееся Моисеева изображенія втораго творческаго дѣла. Здѣсь останавливаются на самомъ способѣ выраженія Моисея и утверждаютъ, что словомъ „твердь“ въ этомъ мѣстѣ онъ указываетъ будто бы на образованіе какого-то твердаго свода, расprostертаго надъ нашими головами и раздѣляющаго нижнія воды отъ верхнихъ; а такое представленіе о небесномъ сводѣ, какъ несоотвѣтствующее дѣйствительности и овойственное только людямъ стоящимъ на низшей ступени умственнаго развитія, свидѣтельствуетъ будто бы о своемъ чисто-человѣческомъ, а не Божественномъ происхожденіи. Но въ опроверженіе этого возраженія защитники Моисеева повѣствованія указываютъ главнымъ образомъ на самый омыслъ еврейскаго слова „*vakia*“, которое служитъ для обозначенія тверди. „Это слово, говорятъ Марсель Серресъ, не имѣетъ ни близкаго, ни отдаленнаго отношенія къ тому, что обыкновенно понимаютъ подъ нлмъ, т.-е.,—къ чему-то твердому и жесткому, каково кристалловое небо Птоломея. Оно означаетъ собственно пространство, или *expanse*, *expansio* отъ гл. *expandere*, простирать, протягивать, собственно—протяженіе. Въ дальнѣйшемъ значенія это выраженіе указываетъ на тонкую, необыкновенно легкую матерію, какова аэирная матерія“ (Die Kosmog. d. Mos! 48 стр.). По словамъ Менъяна, „*vakia*“ не заключаетъ въ себѣ никакой идеи свода, но означаетъ только „пространную вещественную массу (изъ вещества твердаго или нетвердаго), представляющую гладкую и тонкую поверхность“ (Міръ и первоб. чел. 36 стр.). Вообще койкордисты не останавливали особеннаго вниманія на первыхъ двухъ дняхъ творенія и всѣ свои старанія употребляли на то, чтобы согласить остальные творческіе дни съ человѣческими періодами, открытыми въ естественной исторіи землеобразованія.

Съ особенною подробностію и обстоятельностью указывается согласіе между библейскимъ сказаніемъ о твореніи и ученіемъ геологій объ образованіи земли и развитіи органической жизни—въ сочиненіи Меньяна: „Міръ и первобытный человѣкъ по ученію Библіи“. Это сочиненіе и будетъ служить для насъ источникомъ при изложеніи гипотезы соглашенія, такъ какъ приведенная въ немъ параллель между днями творенія и геологическими періодами можетъ быть рассматриваема, какъ общій типъ всѣхъ согласительныхъ способовъ этого рода.

Устранивъ указанныя нами возраженія противъ Моисеева сказанія о твореніи свѣта въ первый день и образованія тверди небесной во второй, Меньянъ переходитъ къ третьему дню творенія и указываетъ полное согласіе съ фактами наблюденія прежде всего того творческаго дѣла Божія, которое, по изображенію Библіи, было совершено въ первую половину этого дня,—т.-е., отдѣленія водъ отъ суши. Вотъ въ сущности его разсужденіе по этому поводу. Бытописатель, передавая повелѣніе Творца о собраніи водъ въ одно мѣсто и появленіи суши и тотчасъ же послѣдовавшее исполненіе этого повелѣнія, не говоритъ намъ, какимъ образомъ совершилось это раздѣленіе двухъ стихій; но можно думать, что воды, покрывавшія первоначально всю землю, стекли въ особыя вмѣстилища вслѣдствіе того, что образовавшіеся подъ ними пласты минеральныхъ веществъ были приподняты дѣйствіемъ естественныхъ причинъ, находящихся во всеправящей рукѣ Создателя (Міръ и первоб. чел. 40 стр.). Такое объясненіе, съ одной стороны, нисколько не противорѣчитъ библейскому повѣствованію, а съ другой—находится въ полномъ согласіи также и съ общепринятою естественно-научною теоріею первоначальнаго образованія земли (*ibid.* 41 стр.). По этой теоріи, земля была вначалѣ раскаленнымъ огненнымъ шаромъ и находилась въ расплавленномъ состояніи. Но потомъ, чрезъ постепенное охлажденіе, на ней образовалась твердая оболочка изъ кристаллическихъ минеральныхъ веществъ: гранита, порфира и др. При дальнѣйшемъ уменьшеніи температуры, водяные пары, окружавшіе первоначально землю, обратились въ жидкое состояніе и покрыли ее на всемъ пространствѣ въ видѣ огромной водяной массы. Съ теченіемъ времени тонкая земная кора, вслѣдствіе постепеннаго сжатія, въ различныхъ мѣстахъ давала трещины,

чрезъ которая внутренняя огненно-жидкая масса изливалась по временамъ на поверхность земли и своимъ напоромъ производила поднятія и пониженія почвы. Эти-то первыя неровности земной коры, произведенныя дѣйствіемъ подземныхъ силъ, были причиною перемѣщенія водяной массы и появленія надъ поверхностью ея болѣе или менѣе обширныхъ пространствъ суши, образовавшихъ острова и материкъ. Отлагавшіеся въ нѣдрахъ морей осадки подъ вліяніемъ внутренняго жара принимали кристаллическое строеніе, и всѣ эти массы въ своей совокупности составили, такимъ образомъ, низшую часть земной коры, наивѣстнѣе въ наукѣ подъ названіемъ *первозданныхъ* горъ и представляющую *азоническій* періодъ въ исторіи образованія земли. Этотъ-то именно періодъ исключительнаго господства неорганическихъ силъ по мысли Меньяна и соотвѣтствуетъ первой половинѣ третьяго дня, или третьяго творческаго періода, указаннаго въ Библии, — когда по слову Божію огромная масса водъ пришла въ движеніе и обнаружила поверхность сухой земли (Міръ и первоб. чел. 43 стр.).

Вторая часть третьяго дня, по ученію Библии, была посвящена сотворенію растительнаго царства, которое должно было служить украшеніемъ пустой и безжизненной почвы, только что вышедшей изъ-подъ покрывавшихъ ее водъ. Обращаясь къ фактамъ геологическаго изслѣдованія, Меньянъ и въ этомъ пунктѣ видитъ полное согласіе между Библіею и наукой. Непосредственно надъ кристаллическими горными породами азоническаго періода лежатъ первичныя образованія наслоенныхъ горъ, состояція изъ *формаций силурійской и девонской*, которыя по его словамъ изобилуютъ растительными ископаемыми (*ibid.* 45 стр.). За этими двумя системами пластовъ слѣдуетъ по порядку каменноугольная формація, названная такъ потому, что значительная масса ея состоитъ изъ залежей каменнаго угля, который составляетъ продуктъ разложенія погребенныхъ здѣсь остатковъ громаднаго числа растеній. Такимъ образомъ, всѣ эти три формации, составляющія по отношенію къ исторіи органической жизни такъ-называемый *палеозоническій* періодъ, характеризуются особенно могущественнымъ развитіемъ растительнаго царства. Это какъ нельзя болѣе согласуется съ тогдашними физическими условіями земнаго шара. Особенность тогдашняго климата состояла въ

однообразномъ распредѣленіи довольно высокой температуры и повсемѣстномъ распространеніи влажности, что весьма сильно должно было содѣйствовать развитію растительнаго царства. Кроме того, необыкновенное обиліе въ атмосферѣ угольной кислоты, дѣлая невозможнымъ существованіе животныхъ дышащихъ воздухомъ, доставляло обильную пищу растеніямъ и обуславливало роскошное развитіе ихъ формъ, не смотря на простоту самой организаціи (Міръ и первоб. чел. 51 стр.). Всѣ эти факты совершенно согласны съ Моисеевымъ описаніемъ второй половины третьяго дня творенія, которая была посвящена Богомъ исключительно украшенію земли растеніями. Такое соотвѣтствіе рассматриваемаго геологическаго періода съ вторымъ творческимъ дѣломъ третьяго дня, по мнѣнію Меняна, еще болѣе подтверждается самымъ порядкомъ, въ которомъ появляются различные роды растеній этого періода, такъ какъ этотъ порядокъ совершенно согласенъ съ Моисеевымъ перечисленіемъ отдельныхъ формъ растительнаго царства, созданныхъ въ третій день. Говоря о твореніи растеній, Моисей называетъ три рода ихъ: зелень, траву и деревья плодовые; эти три названія означаютъ три ступени въ растительной организаціи: растенія, состоящія изъ простыхъ клѣточекъ, травы и, наконецъ, деревья (Міръ и перв. чел. 44). Этотъ же самый прогрессъ въ развитіи растительнаго царства, указанный въ Библіи, обнаруживается и въ пластахъ земной коры. Наблюденія показываютъ, что въ самыхъ нижнихъ слояхъ заключены простѣйшія растенія, состоящія изъ клѣточекъ; потомъ организація усложняется: являются травы и даже кустарники; наконецъ, въ угольной почвѣ встрѣчаются уже древовидные папоротники. Такимъ образомъ, и самая природа оправдываетъ значеніе трехъ словъ, употребленныхъ Моисеемъ для означенія растеній (тамъ же, 46 стр.).

Четвертый день творенія, посвященный Богомъ, по библейскому ученію, образованію свѣтилъ небесныхъ, — следовательно, такому дѣлу, которое не имѣло непосредственнаго отношенія къ землѣ, конечно, не можетъ соотвѣтствовать какому-нибудь опредѣленному періоду въ исторіи землеобразованія, какъ это мы видѣли уже относительно двухъ первыхъ творческихъ дней. Но тѣмъ не менѣе и здѣсь является необходимость установить согласіе между библейскими ученіями и выводами естествознанія.

Такое согласіе, дѣйствительно, и указывается всѣми вообще защитниками Моисеева повѣствованія о шестидневномъ твореніи. Правда, наука не обладаетъ достовѣрными свѣдѣніями о способѣ образованія небесныхъ свѣтилъ и довольствуется пока одними гипотезами и болѣе или менѣе правдоподобными предположеніями, но и эти гипотезы и предположенія, основываясь на твердыхъ фактическихъ данныхъ, имѣютъ иногда чисто-научное достоинство и потому заслуживаютъ такого же вниманія, какъ и несомнѣнные истины, вслѣдствіе чего защитники гипотезы согласенія считали своею обязанностью оправдать предъ ними Моисеево ученіе о томъ же предметѣ, какъ это мы видимъ и у Меньяна. Изъ такихъ гипотезъ особеннымъ уваженіемъ пользуется въ наукѣ такъ называемая Канта-Лапласовская теорія мірообразованія; но „ничего нельзя вообразить себѣ, по словамъ разсуждаемаго нами автора, что лучше ея объясняло бы разсказъ Моисея“ (Міръ и перв. чел. 29 стр.). Сущность ея состоитъ въ слѣдующемъ. Первоначально вся наша солнечная система представляла массу туманнаго вещества, которая затѣмъ подъ вліяніемъ взаимнаго притяженія частицъ приняла шарообразную форму. Этотъ газообразный шаръ, вслѣдствіе какой-то причины, былъ приведенъ во вращательное движеніе около своей оси, результатомъ котораго было постепенное увеличеніе на экваторѣ центробѣжной силы, заставлявшей частицы вещества болѣе и болѣе удаляться отъ центра шара. Но съ другой стороны, вслѣдствіе постепеннаго сгущенія всей массы, пропорціонально съ нимъ увеличивалась противоположная центостремительная сила, притягивавшая и удерживавшая матеріальныя частицы около центра шарообразной массы. Результатомъ дѣйствія этихъ двухъ противоположныхъ силъ было то, что около экватора отдѣлилась кольцеобразная часть матеріи, продолжавшая круговое движеніе въ одномъ направленіи съ шаромъ. Съ теченіемъ времени это кольцо разорвалось въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и изъ отдѣльныхъ частей его образовались новые шары меньшаго размѣра, также получившіе движеніе вокругъ своей оси и продолжавшіе прежнее круговое обращеніе около главнаго шара. Такой процессъ совершался нѣсколько разъ, пока, наконецъ, былъ положенъ пределъ дальнѣйшему отдѣленію кольцеобразныхъ частей отъ общаго космическаго шара. Всѣ меньшіе шары, отдѣлившіеся отъ

главной массы вещества, образовали изъ себя планеты; а та часть первоначальнаго большаго шара, которая осталась послѣ выдѣленія изъ него воѣхъ планетъ, составила изъ себя центральное тѣло всей этой планетной системы, или солнце. По этой теоріи выходитъ, такимъ образомъ, что и земля и воѣ другія планеты образовались прежде, чѣмъ явилось солнце въ своемъ теперешнемъ видѣ, т.-е., прежде, чѣмъ оно пріобрѣло свою свѣтящуюся оболочку, такъ какъ, основываясь на томъ обстоятельстве, что планеты суть темныя тѣла, нужно предположить, что во время образованія ихъ первобытный міровой шаръ еще не былъ свѣтящимся тѣломъ, но сдѣлался такимъ уже послѣ отдѣленія воѣхъ планетъ (Міръ и первоб. челов. 32 стр.). А это какъ нельзя болѣе согласно съ повѣствованіемъ Моисея. Поэтому повѣствованію, Богъ сначала устроилъ землю, сообщивъ ей тотъ видъ, въ которомъ она представляла удобное жилище для живыхъ существъ, а потомъ уже утвердилъ на небѣ солнце, луну и звѣзды. Но и по смыслу вышеприведенной теоріи слѣдуетъ также, что земля могла гораздо скорѣе придти въ состояніе, описанное въ третій день, нежели солнце могло пріобрѣсти свѣтящуюся атмосферу,} которою оно окружено въ настоящее время (такъ какъ самостоятельное существованіе и развитіе земли началось раньше, чѣмъ солнце достигло своей индивидуальности) (тамъ же 33 стр.). Такимъ образомъ, гипотеза соглашенія находятъ, что какъ по Библіи, такъ и по результатамъ естествознанія — свѣтила небесныя, рассматриваемыя какъ свѣтящіяся тѣла, явились послѣ, чѣмъ образовалась земля, т.-е., сдѣлалась годною для обитанія живыхъ существъ.

Библія учитъ, что Богъ, вызывая на землѣ органическую жизнь, дѣйствовалъ совершенно послѣдовательно, переходя отъ низшихъ ея ступеней къ болѣе высшимъ. Послѣ сотворенія растений (въ 3-й день) Онъ населилъ землю живыми существами, именно, прежде всего создалъ низшіе роды ихъ: водяныхъ животныхъ и птицъ, что и было творческимъ дѣломъ 5-го дня. Та же самая послѣдовательность въ появленіи различныхъ формъ органической жизни, по мнѣнію защитниковъ гипотезы соглашенія, обнаруживается и въ нѣдрахъ земной коры. Надъ каменноугольною формаціею, особенно изобилующею растительными остатками и соотвѣтствующею третьему дню творенія, на-

ходится пермская система наслоеній, заканчивающая собою палеозоническій періодъ. Палеонтологическія изслѣдованія открыли здѣсь еще довольно значительное количество окаменѣлыхъ растений; но главное значеніе этой формаціи, по утверженію Меняна, состоитъ въ томъ, что въ ней появляются преемывающіяся (Міръ и первоб. чел., 61 стр.). Особенно же богаты ископаемыми этого рода три слѣдующія за нею формаціи: триасовая, юрская и мѣловая, которыя вслѣдствіе своихъ палеонтологическихъ особенностей рассматриваются какъ отдѣльный періодъ въ исторіи органической жизни, называемый мезозоническимъ. Здѣсь также появляются нѣкоторые новые виды растений, но они почти совершенно исчезаютъ предъ массою окаменѣлыхъ остатковъ животныхъ изъ породы крупныхъ преемывающихся и рыбъ. Это преимущественно нужно сказать о формаціяхъ юрской и мѣловой, гдѣ обнаруживается необыкновенное развитіе преемывающихся изъ семейства ящеровъ; таковы напимѣръ ихтіозавръ, плезиозавръ, телеозавръ, игуанодонъ и многіе другіе, всѣ вообще отличающіеся необыкновенно странными формами и хищными наклонностями. Все это, по словамъ Меняна, показываетъ, что мы дѣйствительно вступили въ періодъ преемывающихся (Міръ и перв. чел., 63 стр.). Въ этихъ же пластахъ кромѣ ихъ встрѣчается еще довольно большое число рыбъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Наконецъ, въ эту же геологическую эпоху нѣкоторыми учеными были открыты въ различныхъ мѣстахъ слѣды, которые они приписали птицамъ и на этомъ основаніи утверждали, что уже въ этотъ древній періодъ земля была населена птицами (Міръ и перв. чел., 68 стр.). Такое предположеніе, по словамъ одного ученаго, еще болѣе подтверждается найденными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остатками костей, несомнѣнно принадлежащихъ птицамъ (тамъ же, 69). Впрочемъ, остатки птицъ въ собственномъ смыслѣ здѣсь весьма немногочисленны, что вѣроятно объясняется особенною легкостью, съ которою эти остатки подвергались окончательному разрушенію, а также тѣмъ, что, вслѣдствіе самаго образа жизни птицъ, они имѣли меньше возможности попасть въ такія условія, при которыхъ всего удобнѣе могли сохраняться на долгое время. Но за то, кромѣ птицъ, въ рассматриваемомъ періодъ весьма часто встрѣчается особаго рода крылатое животное, по виду сво-

ему напоминающее летучихъ мышей и известное подъ названіемъ птеродактиля (Міръ и первоб. чел., 70 стр.). По своей способности летать оно можетъ быть отнесено къ разряду птицъ, хотя и имѣеть совершенно особенную организацію, которая отчасти приближаетъ его къ млекопитающимъ. Сопоставляя всѣ эти палеонтологическіе факты съ Моисеевымъ повѣствованіемъ о творческомъ дѣлѣ Божіемъ, совершенномъ въ 5-й день, Меньянъ видитъ полное согласіе между ними. Моисей говоритъ о пятомъ днѣ: „и сотвори Богъ ниты великіе, и всяку душу животныхъ гадовъ, яже изведоша воды по родомъ ихъ, и всяку птицу пернату по роду“ (21 ст.). Употребленное въ еврейскомъ подлинникѣ названіе „*ta'amin*“ (ниты великіе), по его словамъ, означаетъ въ одно и то же время и рыбъ, и пресмыкающихся, одинаково прилагается какъ къ рыбамъ большаго размѣра, такъ и къ чудовищнымъ ящерамъ (тамъ же, 57 стр.); подъ птицами же онъ понимаетъ вообще крылатыхъ животныхъ, такъ такъ, говоритъ онъ, это единственный смыслъ еврейскаго слова „*orph*“, которое употреблено въ подлинникѣ для означенія этого рода животныхъ (тамъ же, 70 стр.). Но эти-то именно хорды животныхъ и встрѣчаются въ пластахъ, слѣдующихъ за каменноугольнымъ періодомъ. „Здѣсь мы видѣли, говоритъ онъ, первыхъ морскихъ пресмыкающихся и рыбъ (въ собственномъ смыслѣ), болѣе или менѣе совершенныхъ, смотря по геологической почвѣ; здѣсь же показали присутствіе крылатыхъ животныхъ, дышавшихъ атмосфернымъ воздухомъ: птицъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, и птеродактилей, которыхъ мы причислили къ роду крылатыхъ, летающихъ“ (тамъ же, 73 стр.). Итакъ, 5-й день творенія сопоставляется съ эпохою вторичныхъ образований, исключая каменноугольную формацію,—и преимущественно съ тѣмъ періодомъ, который въ палеонтологическомъ отношеніи известенъ подъ названіемъ мезозоническаго.

Шестой день творенія, подобно третьему, по сказанію Моисея, былъ посвященъ также двумъ творческимъ дѣламъ: сотворенію животныхъ земныхъ и созданію человека. И въ этомъ пунктѣ Меньянъ видитъ полное соотвѣтствіе между Библіею и фактами геологическаго и палеонтологическаго изслѣдованія. Прежде всего онъ устанавливаетъ гармонию между первою половиною этого дня и соотвѣствующими геологическими періо-

дами. „И рече Богъ: да изведетъ земля душу живу по роду, четвероногая и гады и земли звѣри по роду; и бысть тако“ (24 ст.); таковы классы животныхъ, явившіеся по изображенію Моисея въ первую половину шестаго дня. Объясняя текстъ этого стиха, какъ онъ представляется въ еврейскомъ подлинникѣ, Меньянъ говоритъ, что слово „behemah“ (четвероногая) собственно значить *рыкающее животное* и употребляется для означенія большаго звѣря; но когда оно противопоставляется слову „chajah“ (какъ въ данномъ случаѣ), тогда оно означаетъ домашнее животное; слово же „chajah“ значить *дикий звѣрь*. Наконецъ, названіе „gahes“ (гады) относится къ пресмыкающимся, — и именно къ тѣмъ, которые обитаютъ на сушѣ, — въ противоположность водянымъ пресмыкающимся, твореніе которыхъ относится къ 5-му дню (Міръ и первоб. челов., 75 стр.). Обращаясь затѣмъ къ фактамъ естественно-научнаго изслѣдованія, Меньянъ находитъ въ нихъ самое ясное подтвержденіе библейскаго повѣствованія о сотвореніи всѣхъ атикъ животныхъ. Твореніе пятаго дня окончилось вмѣстѣ съ эпохою вторичныхъ образований, характеризующеюся необыкновеннымъ развитіемъ водяныхъ пресмыкающихся, а также появленіемъ рыбъ и птицъ. За этими образованиями въ порядкѣ наслоеній слѣдуетъ третичная группа формаций, отличающаяся совершенно другими палеонтологическими признаками и потому разсматриваемая какъ особый періодъ въ исторіи развитія организмовъ, называемый *неозончерскимъ*. Въ противоположность предыдущей геологической эпохѣ, — здѣсь наблюдатели прежде всего поражаются числомъ и разнообразіемъ ископаемыхъ, обращающихъ на себя вниманіе своими размѣрами и формами; таковы, напримеръ: *мелотеріумъ*, *мегатеріумъ*, *коридоръ* и мн. др. Количество отдельныхъ экземпляровъ и разнообразіе формъ этого рода животныхъ увеличивается по мѣрѣ восхожденія отъ древнѣйшихъ пластовъ къ болѣе новымъ образованиямъ. Выше съ стигъ увеличивается постепенно и сходство ископаемыхъ животныхъ породъ съ нынѣ живущими тѣми; но все-таки, по собственному утвержденію Меньяна, эти животные еще далеко отличны отъ современныхъ намъ и во многихъ случаяхъ принадлежатъ уже къ вымершимъ видамъ. Изъ породъ мелотеріумныхъ прежде всего появляются въ болѣе позднѣйшихъ чинахъ травоядные животные —

преимущественно толстокожія; плотоядные же появляются спустя некоторое время, и только въ послѣдствіи число ихъ возрастаетъ до значительной степени (Міръ и перв. чел., 79 стр.). Въ-ствѣ съ млекопитающими въ третичныхъ пластахъ находятся значительное число пресмыкающихся; но эти послѣдніе совершенно отличны отъ тѣхъ родовъ, которые жили въ предыдущую эпоху. Они весьма близки къ нынѣ существующимъ; великаны этого класса, свойственные вторичному періоду, исчезаютъ какъ бы для того, „чтобы уступить мѣсто породѣ пресмыкающихся, созданныхъ въ эпоху шестаго дня, въ силу повелѣнія, *чтобы земля производила пресмыкающихся* (Міръ и первоб. челов., 77 стр.). Такимъ образомъ, основываясь на этомъ согласіи указанныхъ палеонтологическихъ фактовъ съ Моисеевымъ изображеніемъ перваго творенія 6-го дня, Меньшицъ признаетъ полное соотвѣтствіе между первою частью этого дня и періодомъ третичныхъ образованій.

Наконецъ, чтобы довести до конца соглашеніе между библейскимъ повѣствованіемъ о твореніи и геологическою исторіею землеобразованія, нужно было указать еще внутреннюю гармонію между послѣднимъ творческимъ дѣломъ Божиимъ и результатами естественно-научнаго изслѣдованія въ области новѣйшихъ геологическихъ образованій. Это и старается сдѣлать авторъ разсматриваемаго нами сочиненія. Онъ ставитъ два вопроса, отъ извѣстнаго рѣшенія которыхъ зависитъ согласіе или несогласіе Библии съ наукой: 1) дѣйствительно ли по геологическимъ изслѣдованіямъ человѣкъ явился на землѣ послѣ всѣхъ тварей и 2) современенъ ли онъ созданнымъ въ 6-й день животнымъ, какъ это утверждаетъ Библія? Основываясь на положительныхъ фактахъ, приобретенныхъ путемъ научнаго наблюденія, онъ даетъ утвердительный отвѣтъ на оба эти вопроса и тѣмъ окончательно устанавливаетъ согласіе между библейскимъ сказаніемъ и естественно-научными выводами. Первый вопросъ, по его словамъ, рѣшается самъ собою уже на основаніи всего того, что показываютъ всѣ прежде разсмотрѣнныя формации. Такъ какъ ни въ одной изъ нихъ—до самаго четвертичнаго періода не встрѣчается никакихъ остатковъ человѣка, и не открыто даже и признаковъ его существованія, то отсюда вытекаетъ прямое заключеніе, что до самой новѣйшей геологической эпохи его еще со-

вершено не было на землѣ, и онъ появился на ней только тогда, когда уже вызваны были къ бытію всѣ другіе роды органическихъ существъ (Міръ и первоб. чел., 102 стр.). Что же касается современности человека съ тѣми породами животныхъ, сотвореніе которыхъ относится къ 6-му дню, то и она рѣшительно доказывается многочисленными наблюденіями, произведенными въ верхнихъ геологическихъ пластахъ земной коры. Эти наблюденія открыли весьма ясные слѣды существованія человека въ эпоху четвертичныхъ или дилувіальныхъ образованій, хотя въ теченіе очень долгаго времени это и подвергалось сомнѣніямъ. Такіе слѣды состоятъ главнымъ образомъ въ присутствіи во многихъ мѣстахъ остатковъ первобытнаго человѣческаго искусства: топоровъ, ножей, наконечниковъ стрѣлъ и другихъ орудій, грубо сдѣланныхъ изъ кремня и кости, но кромѣ этихъ остатковъ найдены также и кости самого человека. Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ этомъ отношеніи изслѣдованія французскаго ученаго Буше-де-Перта, который въ продолженіе 20 лѣтъ занимался собираніемъ остатковъ первобытной промышленности человека въ дилувіальныхъ отложеніяхъ. Другой ученый, Буржуа, на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ утверждалъ даже о существованіи человека въ послѣднюю эпоху третичнаго періода. Между результатами изслѣдованія въ этой научной области заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что какъ произведенія рукъ человека, такъ и кости его очень часто встрѣчаются вмѣстѣ съ костями различныхъ млекопитающихъ, что ясно свидѣтельствуетъ объ одновременномъ ихъ существованіи. Нѣкоторыя породы этихъ млекопитающихъ теперь уже исчезли, но другія существуютъ еще и въ настоящее время. Чаще всего встрѣчаются одновременно съ остатками человека кости пещернаго медвѣдя, гіены, собаки, сѣвернаго оленя и др. Вообще всѣ эти факты, свидѣтельствуя о современности человека такъ-называемымъ пещернымъ животнымъ, ясно доказываютъ значительную древность его существованія и даютъ основаніе утверждать, что онъ появился на землѣ непосредственно послѣ и даже одновременно съ тѣми животными, которыя по Библіи сотворены въ 6-й день. И въ этомъ пунктѣ слѣдовательно также является полное согласіе Моисеева повѣствованія съ открытіями геологів (Міръ и перв. чел., 120 стр.).

Такова попытка привести въ согласіе библейскіе дни творенія съ геологическими періодами—въ томъ видѣ, въ какомъ она является у Меньяна и въ какомъ она можетъ быть признана за общую и простѣйшую форму гипотезы согласенія. Для большей ясности воспроизведемъ ее въ общихъ чертахъ. Первый и второй дни творенія не имѣютъ для себя соотвѣтствія въ геологическихъ періодахъ: землеобразованія, и гармонія между Библіею и открытіями геологій начинается только съ третьяго дня. Этотъ день, заключающій въ себѣ два творческихъ дня, соотвѣтствуетъ двумъ послѣдовательнымъ геологическимъ эпохамъ: 1) такъ называемому азотическому періоду или періоду образованія кристаллическихъ горныхъ породъ и исключительнаго господства химическихъ силъ и 2) силлурійско-девонскому и каменноугольному періоду. Четвертый день также не имѣетъ для себя параллельнаго члена въ исторіи образованія земли. Пятому дню творенія соотвѣтствуетъ обширная эпоха вторичныхъ формаций—отъ пермской до мѣловой включительно. Наконецъ, шестой день творенія въ обѣихъ своихъ частяхъ обнимаетъ третичныя и четвертичныя или дилювіальныя образованія, и эту последнюю эпохою оканчивается какъ библейская исторія творенія, такъ и геологическая исторія образованія земли.

Переходя теперь къ критическому разбору этой гипотезы, мы должны замѣтить, что въ эзегетическомъ отношеніи она не встрѣчаетъ никакихъ серьезныхъ затрудненій и съ этой стороны можетъ быть признана правильною, въ чемъ между прочимъ заключается важное преимущество ея предъ гипотезою возстановленія. Если приводимыя богословами въ ея пользу эзегетическія доказательства и нельзя признать настолько сильными, чтобы на основаніи ихъ можно убѣдиться въ ея несомнѣнной истинности, то все-таки библейскій текстъ не представляетъ въ себѣ ничего такого, что прямо могло бы служить и къ ея опроверженію. Продолжительность творческаго дня въ Библии не указывается точно и опредѣленно; еврейское же названіе дня дѣйствительно, какъ утверждаютъ конкордисты, даетъ возможность понимать его какъ въ смыслѣ опредѣленнаго, краткаго времени, такъ и въ смыслѣ неопредѣленно-длительнаго періода, такъ что оба эти пониманія одинаково допускаются Библіею, и рѣшающій вопросъ въ этомъ отношеніи можетъ принадлежать только точной

естественной наукѣ. Истинная церковь всегда создала это и потому предоставляла частнымъ лицамъ право держаться своихъ собственныхъ взглядовъ относительно рассматриваемаго предмета. Такимъ образомъ мы видимъ, что уже въ первые вѣка христіанства наряду съ общеупотребительнымъ тогда буквальнымъ пониманіемъ Моисеева шестоднева встрѣчается у нѣкоторыхъ отцевъ церкви объясненіе дней творенія въ смыслѣ долгихъ періодовъ времени, хотя такіе случаи были тогда довольно рѣдки. Этому мнѣнію держались, напримѣръ: Климентъ Александрійскій, Леонасій Великій и бл. Августинъ. Такие случаи, какъ бы ни были они малочисленны въ древнее время, имѣютъ тѣмъ большее значеніе, что указанное пониманіе шестидневнаго творенія у тогдашнихъ христіанскихъ богослововъ не вызывалось необходимо какими-либо неотразимыми фактами природы и могло обуславливаться главнымъ образомъ ближайшимъ изученіемъ самаго библейскаго повѣствованія.

Но если для принятія разбираемой гипотезы нѣтъ никакихъ препятствій со стороны Библии, то эти препятствія являются для нея съ другой стороны,—со стороны самихъ естественно-научныхъ фактовъ, съ которыми именно и стараются согласить библейское повѣствованіе о твореніи. Внимательное разсмотрѣніе этихъ фактовъ приводитъ къ тому убѣжденію, что дѣйствительность нисколько не оправдываетъ полной и совершенной гармоніи между отдѣльными моментами творенія и геологическими періодами естественной исторіи земли въ томъ видѣ, въ какомъ эта гармонія представляется въ изложенной нами гипотезѣ. Такую гармонію нужно было бы признать на самомъ дѣлѣ лишь въ томъ случаѣ, еслибы каждая изъ геологическихъ эпохъ характеризовалась исключительнымъ развитіемъ только тѣхъ формъ органической и неорганической жизни, твореніе которыхъ относится Библіею къ соотвѣтствующему этой эпохѣ Божественному творческому дѣлу. Это требованіе необходимо вытекаетъ изъ самаго библейскаго описанія отдѣльныхъ дней творенія, по которому каждый изъ нихъ былъ посвященъ Богомъ произведенію только известнаго рода существъ, или известныхъ предметовъ и, притомъ такъ, что каждое данное творческое дѣло и начинается и оканчивается въ предѣлахъ соотвѣтствующаго дня и слѣдовательно всецѣло обнимается имъ, уступая свое мѣсто въ

слѣдующій день совершенно другому Божественному акту. Такимъ образомъ мы только въ томъ случаѣ имѣли бы право сопоставить на примѣръ пятый день творенія съ вторичнымъ геологическимъ періодомъ, какъ это дѣлаютъ конкордисты,—еслибы въ этотъ періодъ въ первый разъ появились водяныя животныя и птицы, и еслибы это были единственные породы животныхъ, свойственныя указанному періоду, потому что такъ именно должно быть по Моисееву сказанію. Такъ должно быть для правильной и полной гармоніи,—но не такъ оказывается *изъ дѣйствительности*. Точныя наблюденія показываютъ, что въ однѣ и тѣ же геологическія эпохи появлялись и существовали самыя разнообразныя роды организмовъ, происхожденіе которыхъ относится по Библии къ различнымъ временамъ. Постараемся показать это фактически.

Изъ Моисеева повѣствованія о твореніи слѣдуетъ, что растенія были первыми организмами, явившимися по повелѣнію Божію на первоизданной землѣ; твореніе ихъ составляло второй Божественный актъ третьяго дня. Животныя были вызваны къ бытію уже въ 5-й день, т.-е. спустя цѣлый день послѣ сотворенія растеній,—и притомъ сначала только водяныя породы ихъ и птицы; млекопитающіе же и другіе обитатели суши явились только въ 6-й день. Тотъ же самый порядокъ въ появленіи различныхъ формъ органической жизни долженъ былъ бы обнаруживаться и въ пластахъ земной коры, еслибы исторія творенія по Библии дѣйствительно соотвѣтствовала естественной исторіи образованія земли и развитія органической жизни. Въ началѣ въ теченіе долгаго времени должны были господствовать исключительно растенія, какъ первые представители органической жизни; затѣмъ въ слѣдующій періодъ должны были явиться одни только водяные виды животныхъ и птицы, и наконецъ уже въ самый послѣдній періодъ—къ нимъ должны были присоединиться животныя населяющія сушу. Между тѣмъ факты показываютъ совершенно иное. Начиная съ самыхъ древнѣйшихъ пластовъ, содержащихъ ископаемые организмы, остатки растеній и животныхъ встрѣчаются вмѣстѣ, и даже животныя окаменѣлости, какъ показываютъ наблюденія, встрѣчаются въ началѣ въ большемъ количествѣ, чѣмъ растительныя, что ясно свидѣтельствуетъ по крайней мѣрѣ объ одновременномъ появленіи на землѣ обоихъ

этихъ органическихъ царствъ. Животныя первобытныхъ эпохъ были исключительно морскими обитателями. Въ частности, въ древнѣйшей или силурійской формациі господствуютъ самыя простыя формы животныхъ, принадлежащихъ почти исключительно къ классу безпозвоночныхъ, слѣды же позвоночныхъ въ ней едва замѣтны, но въ девонской формациі являются уже рыбы, т.-е. животныя, обладающія болѣе совершенною и сложною организаціею. Но вообще всѣ эти первобытныя животныя принадлежатъ къ такимъ родамъ, которые теперь уже не существуютъ, и въ большинствѣ случаевъ отличаются особенными формами; таковы между прочимъ трилобиты, принадлежащіе къ классу раковъ (Куторга, Естеств. исторія земной коры, 226 стр.). Простыя и несложныя формы этихъ животныхъ съ теченіемъ времени постепенно совершенствуются и усложняются, такъ что уже въ каменноугольной формациі являются амфибии (пресмыкающіяся), которыя вскорѣ затѣмъ умножаются до самой крайней степени и составляютъ характеристическую особенность всего вторичнаго геологическаго періода. Но не долго на сценѣ первобытныхъ образованій продолжается исключительное господство однихъ морскихъ животныхъ: мы видимъ, что уже въ весьма древнее время появляются животныя, обитающія на сушѣ. Кромѣ остатковъ птицъ и насекомыхъ, встрѣчающихся во вторичныхъ формацияхъ, наблюденія открыли здѣсь признаки существованія даже нѣкоторыхъ видовъ изъ класса млекопитающихъ. Въ пластахъ пестраго песчаника, входящаго въ составъ триасовой формациі, найдены слѣды переднихъ и заднихъ ногъ, принадлежащіе какому-либо большому животному, которыхъ, хотя и не безъ колебаній, естествоиспытатели отнесли къ разряду млекопитающихъ. „Древность формациі, говоритъ Куторга, заставляла предполагать въ нихъ большихъ ящеровъ, которыхъ черепа и зубы иногда находятъ въ пестромъ песчаникѣ; но отдѣльный большой палецъ безъ ногтя и необычайная сила заднихъ лапъ сравнительно съ передними никакъ не могутъ отдалить мысли объ исполинскихъ двуутробкахъ, превышавшихъ кенгуру Новой Голландіи. Почему же, прибавляетъ онъ далѣе, млекопитающія животныя не могли быть въ триасовую эпоху, когда въ слѣдующей за нею—юрской уже находятъ кости малыхъ двуутробокъ. Этому открытому здѣсь животному дали названіе хиротерія“ (Естеств.

жет. зем. коры, 302 стр.). И самъ Мейяниъ при изложеніи своей гармонистической попытки также упоминаетъ о столь раннемъ появленіи млекопитающихъ животныхъ, которое повидимому нарушаетъ проводимую имъ параллель между Библіею и геологіею; но онъ не придаетъ этому обстоятельству никакого значенія въ виду того, что эти животные принадлежать къ низшему разряду и являются здѣсь какъ бы случайно (Міръ и перв. чел., 77 стр.). Совершенноя правда, что во вторичную эпоху млекопитающія животныя встрѣчаются довольно рѣдко—особенно по отношенію къ господствующему здѣсь классу водяныхъ пресмыкающихся и отчасти птицъ; но все же самый фактъ ихъ существованія въ это время не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Принимая во вниманіе все эти палеонтологическіе факты, мы имѣемъ полное право утверждать, что проводимая конкордистами параллель между днями творенія и геологическими періодами на самомъ дѣлѣ не существуетъ и должна быть признана простымъ предположеніемъ, не имѣющимъ для себя полного оправданія въ дѣйствительности. Еслибы дѣйствительно библейская исторія во всехъ подробностяхъ соответствовала геологической исторіи, какъ этого хотѣтъ защитники разбираемаго нами мнѣнія, то на основаніи указанныхъ естественно-научныхъ выводовъ нужно было-бы предположить, что дни творенія, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые посвящены сотворенію органической жизни, совпадали между собою или вполне, или хотя-бы даже отчасти. Такимъ образомъ, вторая половина 3-го дня должна была-бы совпадать съ пятымъ днемъ, а этотъ послѣдній въ свою очередь нужно было-бы признать отчасти одновременнымъ съ первою половиною шестого дня. Между тѣмъ по библейскому сказанію каждый творческій день былъ самостоятельнымъ и отдѣльнымъ отъ всехъ другихъ, обнимая собою совершенно особый періодъ времени, который былъ посвященъ извѣстному только творческому дѣлу и сличался другимъ такимъ-же періодомъ, характеризовавшимся новымъ твореніемъ и т. д. Словомъ, гипотеза соглашенія встрѣчаетъ очевидно противорѣчіе между библейскимъ повѣствованіемъ и положительными данными естествознанія.

Само собою понятно, что это несогласіе между дѣйствительными фактами и Моисеевымъ изображеніемъ творенія, составляющее камень преткновенія для гипотезы соглашенія, не

могло не обратить на себя серьезнаго вниманія самихъ защитниковъ ея. Поэтому они естественно должны были прибѣгнуть къ какому-нибудь средству, чтобы поддержать и укрѣпить колеблющуюся и готовую даже пасть гармонію между шестодневымъ Моисея и естественною исторіею образованія земли; должны были показать, что не смотря на кажущееся противорѣчіе другъ другу; они согласно изображаютъ послѣдовательный ходъ развитія какъ органической, такъ и неорганической жизни. Такъ дѣйствительно и поступаютъ нѣкоторые представители этой гипотезы. Чтобы устранить указанное противорѣчіе ея съ фактами, обыкновенно обращаются опять къ этимъ же самымъ фактамъ и въ нихъ ищутъ выхода изъ затруднительнаго положенія, рассматривая ихъ уже съ другой стороны. Такъ Марсель де-Серресъ, соглашаясь, что растенія и животныя появляются въ первый разъ въ одну и ту же геологическую эпоху, принимаетъ во вниманіе то отношеніе, какое существуетъ въ это время между земною растительностію и первыми животными, дышавшими воздухомъ. Такъ какъ по его словамъ наблюденіе только съ большимъ трудомъ могло открыть въ переходныхъ и каменноугольных пластахъ немногихъ наземныхъ, дышавшихъ атмосфернымъ воздухомъ, единственныхъ животныхъ, обитавшихъ на сушѣ, тогда какъ, напротивъ, земная растительность особенно въ каменноугольной формации встрѣчается цѣлыми массами, то вмѣстѣ съ нѣмъ. Бытія отсюда можно съ полною справедливостію заключить, что въ дѣйствительности земная растительность предшествовала животнымъ, жившимъ тоже жилище (*Die Kosmogonie des Moses* 56 стр.). Такимъ образомъ, если Священное Писаніе учить, что растенія были сотворены прежде животныхъ, то этимъ оно налегаетъ только на указанное обладаніе первыхъ надъ послѣдними въ первобытную эпоху. Въ этомъ именно смыслѣ, продолжаетъ онъ, и нужно понимать то мѣсто Бытія, гдѣ говорится о твореніи земной растительности прежде животныхъ; а въ такомъ случаѣ порядокъ, въ которомъ совершалось твореніе по Моисею, оказывается вполне согласнымъ съ тою послѣдовательностію, на которую указываютъ органическіе остатки первоначальныхъ эпохъ (*ibid.* 59 стр.). Такимъ образомъ, сущность этого объясненія библейскаго повѣствованія въ его отношеніи къ палеонтологическимъ фактамъ состоитъ въ томъ, что Моисей ука-

зываетъ только общіе моменты въ исторіи развитія организмовъ, оставляя безъ вниманія различныя частности и подробности этой исторіи. То же самое мнѣніе, хотя нѣсколько въ иномъ видѣ, высказываетъ и Меньянъ при изложеніи своей согласительной гипотезы. Желая оправдать гармонию между 3-мъ днемъ, посвященнымъ творенію растительнаго царства, и древнѣйшимъ геологическимъ періодомъ, содержащимъ вмѣстѣ остатки растеній и животныхъ, онъ говоритъ: „Моисей повѣствуетъ исключительно о великихъ фактахъ природы: онъ говоритъ о послѣдовательномъ появленіи растеній, рыбъ и пресмыкающихся. Всѣ мелкія существа низшаго разряда, встрѣчавшіяся въ изобиліи въ нѣдрахъ первобытныхъ морей, исчезаютъ въ разсказѣ вдохновеннаго повѣствователя, потому что для тѣхъ племенъ и народовъ, которыхъ имѣетъ въ виду разсказъ бытописанія, эти существа не имѣли никакого значенія. Единственная цѣль его показать порядокъ господствовавшихъ въ различныя эпохи существъ, которыя должны были остановить на себѣ его вниманіе по своему значенію и особенной пользѣ своей для человѣка и животныхъ“ (Міръ и первоб. челов. 47 стр.).

Но съ особенною подробностью и опредѣленностью этотъ взглядъ на Моисеево повѣствованіе о твореніи раскрытъ нѣмецкимъ богословомъ Эббардомъ. Его мнѣніе объ этомъ предметѣ состоитъ въ слѣдующемъ. Такъ какъ Священное Писаніе не имѣло намѣренія сообщать подробныхъ естественно-научныхъ свѣдѣній, то въ повѣствованіи о твореніи оно и не останавливается на отдѣльныхъ частностяхъ и мелкихъ фактахъ изъ исторіи образованія земной поверхности и развитія организмовъ. Но тѣмъ не менѣе та послѣдовательность твореній, которая открывается въ 1-й гл. Бытія, является не ложною и вымышленною, но вполне соответствующею объективной дѣйствительности, и именно такъ, что оно изображаетъ ходъ объективно-дѣйствительной исторіи образованія земли и ея организмовъ только въ главныхъ очеркахъ—(Der Glaube an die heilige Schrift 61 стр.). Въ этомъ случаѣ Священное Писаніе поступаетъ также, какъ поступила-бы геогнозія, еслибы она захотѣла представить исторію земли и ея организмовъ въ главныхъ очеркахъ. При выполненіи этой задачи, геогносты обратятъ-бы вниманіе не только на качество, но и на количество органическихъ остатковъ, встрѣ-

чающихся въ отдѣльныхъ формаціяхъ. Поэтому онъ миноваль-быть органическіе остатки, которые являются въ переходной формациі и все свое вниманіе сосредоточилъ-бы на одной каменноугольной формациі, потому что въ ней открывается огромная масса окаменѣлыхъ ископаемыхъ растений, въ сравненіи съ которою всѣ вообще органическіе остатки переходнаго періода вмѣстѣ съ животными остатками каменноугольнаго представляются ничтожными. Такимъ образомъ, каменноугольная формація составляетъ дѣйствительную эпоху въ исторіи образованія земли, и первымъ главнымъ членомъ въ ряду твореній Божіихъ нужно считать растительность, появившуюся прежде всѣхъ организмовъ на выступившей изъ воды первобытной землѣ. Но это именно и сообщаетъ намъ I-я глава кн. Бытія (9—13 ст.), гдѣ говорится, что по отдѣленіи воды отъ суши Богъ сотворилъ прежде всего растенія (*ibid.* 62—63 стр.). Точно также Эбрардъ старается доказать согласіе Моисеева сказанія о твореніи животныхъ въ пятый день съ фактами палеонтологіи. Онъ указываетъ на то обстоятельство, что послѣ каменноугольнаго періода количество растительныхъ остатковъ уменьшается до самой крайней степени; между тѣмъ какъ перевѣсъ является здѣсь на сторонѣ водяныхъ животныхъ, которыя въ невѣроятномъ множествѣ находятся преимущественно въ тріасовой и юрской формаціяхъ и сообщаютъ особенный характеръ этому періоду (*ibid.* 64 стр.). Въ этомъ-то преобладаніи водяныхъ животныхъ отъ полиповъ и коралловъ до рыбъ и ящеровъ передъ всѣми другими классами организмовъ онъ и находитъ основаніе для сопоставленія этого періода съ 5-мъ днемъ творенія, въ который по библейскому сказанію были созданы указанные роды животныхъ. Тѣмъ же самымъ пріемомъ онъ пользуется и при установленіи гармоніи между 6-мъ днемъ творенія и палеонтологическими фактами. Наконецъ, онъ указываетъ даже согласіе этихъ фактовъ съ библейскимъ повѣствованіемъ о сотвореніи свѣтилъ въ 4-й день. Изъ того обстоятельства, что роды растеній, встрѣчающіеся въ каменноугольной формациі, совершенно одинаковы между собою во всѣхъ поясахъ земнаго шара, онъ выводитъ заключеніе, что въ то время еще не было климатическаго различія на землѣ, и она согрѣвалась только своею собственною теплотой, а не солнцемъ; а такъ какъ, даже, въ тріасовой и юрской формаціяхъ являются

уже отъды климатическихъ различій, то на этомъ основаніи онъ утверждаетъ, что по естествознанію, какъ и по Библии, въ промежуткахъ времени между каменноугольнымъ періодомъ и періодами триасовымъ, юрскимъ и меловымъ произошло установленіе теперешнихъ сидерическихъ отношеній нашего земнаго шара (*Der Glaube an die heilige Schrift*, 67 стр.). Не трудно замѣтить, что это объясненіе Моисеева шестоднева въ его отношеніи къ естественной исторіи земли, предлагаемое Эббардомъ, есть только подробное раскрытіе того взгляда, который высказываютъ Марсель де-Серресъ и Меньянъ.

Посмотримъ теперь, можно ли согласиться съ этимъ пониманіемъ библейской исторіи творенія, которое, какъ мы сказали выше, въ сущности своей нужно признать ничѣмъ другимъ, какъ только необходимой уловкой, придуманной съ цѣлю сохранить и оправдать предполагаемую гармонію между днями творенія и геологическими періодами. Моисей, говорятъ намъ, не имѣлъ нужды подробно излагать исторію происхожденія міра, ему не нужно было упоминать въ своемъ повѣствованіи о каждомъ частномъ фактѣ этой исторіи, потому что это дѣло науки; для него, какъ религіознаго писателя, было вполне достаточно указать только общіе моменты ея, изобразить послѣдовательность появленія различныхъ формъ органической жизни въ главныхъ очеркахъ. Но такъ утверждать можетъ только тотъ, кто не знаетъ или не хочетъ знать истинной цѣли Моисеева сказанія о твореніи. Эта цѣль состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы показать, что вся вселенная и въ частности земля, какъ жилище человека, со всѣмъ богатствомъ и разнообразіемъ органической жизни есть произведеніе всемогущей творческой силы Божіей. Чтобы яснѣе показать эту истину и тверже запечатлѣть ее въ умахъ и сердцахъ своихъ читателей, Моисей разсматриваетъ вселенную во всѣхъ ея частяхъ, перечисляетъ все главнѣйшія обнаруженія міровой жизни и преимущественно все важнѣйшіе предметы и явленія, существующіе на землѣ и имѣющіе ближайшее отношеніе къ человѣку, и о каждомъ изъ такихъ предметовъ говоритъ, что онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ и существованіемъ исключительно Божественному всемогуществу. Такимъ образомъ онъ говоритъ о твореніи свѣта, тверди небесной, объ образованіи моря и суши и особенно подробно

говорить о твореніи органической жизни, описывая отдѣльно происхожденіе каждой ея формы: растений, водныхъ, воздушныхъ и земныхъ животныхъ и, наконецъ, самого человека, какъ вѣнца всего творенія. Итакъ, *первоначальное происхожденіе* всѣхъ тварей—вотъ что стояло на первомъ планѣ, когда Моисей изображалъ исторію творенія міра. Поэтому, если онъ говоритъ напримѣръ, что въ 3-й день сотворены между прочимъ растенія, то этимъ онъ указываетъ, что только теперь именно положено на землѣ первое начало существованію растительнаго царства и, слѣдовательно, къ этому дню относить не ту или другую ступень въ развитіи этого царства, а самое *возникновеніе* его, и именно во всѣхъ его видахъ, начиная съ злаковъ и оканчивая деревьями, приносящими плоды, такъ какъ виды эти ясно обозначены въ самомъ повѣствованіи. Что въ такомъ именно смыслѣ Библия говоритъ о сотвореніи въ извѣстный день тѣхъ или другихъ органическихъ формъ, это можно отчасти видѣть уже изъ самаго текста ея. Описывая сотвореніе животныхъ въ 5-й день, Моисей употребляетъ для выраженія своей мысли глаголъ „бага“ (21 ст.), означающій на языкѣ Свящ. Писанія обыкновенно твореніе въ собственномъ смыслѣ или твореніе изъ ничего, приведеніе какой-либо вещи изъ совершеннаго небытія въ бытіе, дарованіе бытія чему-либо прежде совершенно несуществовавшему. Такимъ образомъ, обозначая, съ одной стороны, извѣстный характеръ творческаго дѣйствія, это слово, рассматриваемое по отношенію къ самому предмету творенія, указываетъ въ то же время на самый первый моментъ или начало его бытія. Если поэтому въ Библии говорится, что въ 5-й день Богъ сотворилъ (бага) извѣстные роды животныхъ то это значитъ, что до того момента они вовсе не существовали и только съ этихъ поръ начали свое существованіе, что слѣдовательно къ 5-му дню относится первоначальное появленіе ихъ на землѣ или самое первое зарожденіе ихъ по творческому слову Всемогущаго. Тоже самое по аналогіи нужно сказать и о творческихъ актахъ прочихъ дней, хотя въ описаніи актовъ въ Библии употребляется обыкновенно другое слово, означающее „дѣлать“ и потому не такъ отчетливо выражающее указанную мысль.

Но если теперь мы будемъ разсматривать повѣствованіе Моисея съ этой точки зрѣнія, то конечно легко поймемъ, что для него должны были имѣть весьма важное значеніе не только болѣе совершенныя формы извѣстныхъ твореній, но даже и тѣ, которыя представляютъ самую низшую степень развитія и служить только простыми зародышами или первоначальными зачатками ихъ. Далѣе мы поймемъ также, что количество экземпляровъ извѣстнаго рода тварей для него не имѣло никакого значенія, или лучше сказать, самое незначительное число ихъ, даже нѣсколько такихъ экземпляровъ имѣли въ его глазахъ одинаковое значеніе, какъ и цѣлая масса ихъ, потому что и самое малое число индивидуумовъ, напр., изъ царства растительнаго, представлявшихъ даже низшую ступень развитія, весьма ясно свидѣтельствовало, что въ данный моментъ времени растенія *уже появились* на землѣ. Слѣдовательно, при опредѣленіи времени, въ которое Богъ вызвалъ къ бытію тотъ или другой родъ своихъ твореній, Моисею необходимо было принимать во вниманіе каждый мельчайшій фактъ, каждую деталь изъ исторіи происхожденія міра,—то, что представители разбираемаго воззрѣнія называютъ неимѣющими никакого значенія подробностями и неважными для сущности дѣла частностями. Исходя, такимъ образомъ, изъ представленія главной цѣли библейскаго повѣствованія о твореніи, мы пришли къ заключенію, совершенно противоположному тому, что отверждаютъ защитники гипотезы соглашенія, и если отвергнуть это заключеніе, то нужно будетъ отвергнуть также и ту мысль, что бытописатель имѣетъ въ виду главнымъ образомъ научить своихъ читателей основной религіозной истиной, что міръ во всѣхъ своихъ частяхъ есть твореніе Божіе. Послѣ всего сказаннаго ясно видно, какъ несправедливо поступаетъ Эбрардъ вмѣстѣ съ другими конкордистами, когда въ видахъ соглашенія Моисеева шестодневна съ геологическою исторіею образованія земли онъ оставляетъ безъ всякаго вниманія частныя факты изъ этой исторіи или отдѣльные случаи появленія тѣхъ или другихъ организмовъ, останавливаясь исключительно на болѣе или менѣе крупныхъ фактахъ, только на болѣе или менѣе скопленіи въ какомъ-либо періодѣ органическихъ остатковъ. Вѣдь Моисей въ своемъ повѣствованіи желаетъ показать не то, въ какое именно время существовало на землѣ наибольш-

шее количество такихъ, а не другихъ организмовъ, а то, когда эти организмы появились въ первый разъ по дѣйствию Божественнаго всемогущества. Поэтому, если нужно установить извѣстное отношеніе между моментами творенія по Библии и моментами естественнаго образованія земли по геологическимъ изслѣдованіямъ, то необходимо прежде всего обращать вниманіе на то, къ какому именно періоду относится первоначальное появленіе на землѣ извѣстнаго рода организмовъ; а точное опредѣленіе этого возможно только тогда, когда будутъ самымъ тщательнымъ образомъ рассмотрѣны и извѣщены всѣ мельчайшіе палеонтологическіе факты, всѣ исключительные случаи появленій въ слояхъ земли извѣстныхъ органическихъ остатковъ. Но мы уже видѣли, что коль скоро при соглашеніи Библии съ естествознаніемъ разсматривать исторію образованія земли и развитія органической жизни во всѣхъ ея мельчайшихъ подробностяхъ, то гармонія между днями творенія и геологическими періодами будетъ совершенно невысказана, потому что въ одинъ и тотъ же періодъ земной исторіи и даже одновременно мы видимъ появленіе двухъ различныхъ родовъ организмовъ, происхожденіе которыхъ относится Библіею къ различнымъ днямъ творенія.

Что касается, наконецъ, тѣхъ фактовъ природы, которые по мнѣнію Эббарда подтверждаютъ библейское ученіе о сотвореніи свѣтилъ въ 4-й день и этимъ ковенно доказываютъ гармонію между библейскою исторіею творенія и естественною исторіею земли, то и они могутъ быть объяснены совершенно въ иномъ смыслѣ. Эббардъ, какъ мы видѣли, указываетъ на то, что флора каменноугольнаго періода представляетъ совершенное единообразіе формъ во всѣхъ поясахъ земли, и отсюда заключаетъ, что въ то время не были еще установлены нынѣшнія отношенія земли къ солнцу и другимъ свѣтиламъ, и что эти отношенія установились только въ періодъ между каменноугольною формаціей и формаціями тріасовой и юрской, представляющими уже замѣтное разнообразіе въ растительныхъ формахъ. Но единообразіе климата каменноугольной эпохи, обуславливавшее соответственное явленіе въ органическомъ мірѣ, могло зависеть и отъ другихъ обстоятельствъ, кромѣ отсутствія солнечной теплоты и свѣта, обстоятельствъ, вполне возможныхъ также и при существованіи небесныхъ свѣтилъ въ настоящемъ ихъ состоя-

мія. Основной законъ распределенія теплоты на земномъ шарѣ состоитъ въ томъ, что близость большихъ выѣтилицъ воды значительно сглаживаетъ разницу между двумя противоположными состояніями температуры на соедѣнной твердой землѣ, а также разницу въ температурѣ двухъ или нѣсколькихъ мѣстъ, находящихся подъ разными широтами, потому что вода, какъ извѣстно, труднѣе нагревается и остываетъ, чѣмъ земля, и вслѣдствіе этого умѣряетъ излишній жаръ и холодъ послѣдней, дѣлая ея температуру болѣе равною. Это показываетъ и опытъ: извѣстно, что въ странахъ, окруженныхъ морями, зима бываетъ умѣреннѣе, а лѣто менѣе жарко, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, которыя удалены отъ моря. Поэтому, чѣмъ больше пространства наполнено водою и чѣмъ меньшее пространство занимаетъ суша, тѣмъ больше должны сглаживаться рѣзкости тепла и холода, и тѣмъ равномернѣе долженъ быть климатъ на всемъ земномъ шарѣ. Но съ другой стороны, и равномерный климатъ обуславливается чрезвычайнымъ преобладаніемъ океана надъ количествомъ суши на земномъ шарѣ, можетъ имѣть вообще болѣе высокую, или болѣе низкую температуру. Эта степень температуры зависитъ главнымъ образомъ отъ географическаго расположенія моря и суши. (Ляйель, Осн. нач. геологін, 105 и слѣд. стр.). Еслибы вся масса, или по крайней мѣрѣ большая часть суши сосредоточилась вблизи экватора, именно между 10-ю и 40-ю параллелью, то это произвело-бы наибольшую теплоту на всемъ земномъ шарѣ, потому что земля, подвергаясь вертикальнымъ или почти вертикальнымъ лучамъ солнца, поглощаетъ наибольшее количество тепла и потому чрезъ лучеполусканіе сообщаетъ его атмосферѣ и морю, согревая тѣ части его, которыя находятся между 40-ю параллелью и полюсомъ. Между тѣмъ слѣдствіе было-бы обратное, еслибы преимущественное скопленіе суши было подъ болѣе высокими широтами, потому что тогда земля была-бы постоянно холодною и сообщала-бы этотъ холодъ окружающимъ частямъ земнаго шара,—это съ одной стороны, а съ другой море, расположенное около экватора, влѣдствіе слабой воспримчивости къ теплу, сравнительно мало подвергалось-бы нагреванію отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и потому не могло-бы уравновѣсить охлаждающаго вліянія твердой земли. Такимъ образомъ, и при теперешнихъ естественныхъ отношеніяхъ земли вслѣд-

ствіе известнаго только распределенія и расположенія суши и моря, могла возникнуть довольно однообразная и повсемѣстно теплая температура на земномъ шарѣ. Для этого требовалось бы только во первыхъ, чтобы пространство океана какъ можно болѣе превышало количество суши, и во вторыхъ, чтобы значительная, если не вся масса этой послѣдней сосредоточивалась въ широтахъ близкихъ къ экватору. Но подобное этому состояніе физической географіи, по словамъ Ляйеля, и было именно въ эпоху образованія первобытныхъ формаций до каменноугольной включительно. „Можно предполагать, утверждаетъ онъ на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, что древнѣйшіе осадки (силурійская и девонская формации) принадлежали къ той эпохѣ, въ которую земля только-что начала приподниматься изъ моря; а это предположеніе обуславливаетъ существованіе во время каменноугольной эпохи не обширнаго континента, а острововъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ образовался каменный уголь. При такомъ порядкѣ вещей, произомель-бы повсемѣстно теплый и однообразный климатъ на всемъ земномъ шарѣ“ (Основ. нач. геологіи, I т., 132 стр.). Такое объясненіе особенностей тогдашняго климата тѣмъ болѣе вѣроятно, что по словамъ этого геолога, „климатъ каменноугольнаго періода былъ замѣчательнѣе болѣе овною равномерною теплотою и влажностью и отсутствіемъ холода; чѣмъ напряженностью тропическаго моря“ (тамъ-же 148 стр.). Такимъ образомъ, не прибѣгая къ предположенію Эбрарда объ отсутствіи въ указанные эпохи небесныхъ свѣтилъ въ современномъ ихъ состояніи, можно совершенно инымъ способомъ объяснить однообразіе и теплоту климата и обуславливаемое имъ однообразіе и роскошное развитіе растительныхъ формъ на всемъ земномъ шарѣ. А если такъ, то и фактъ этотъ уже не можетъ служить несомнѣннымъ доказательствомъ того, въ подтвержденіе чего онъ приводится Эбрардомъ, т.-е., полнаго соответствія между библейскими днями творенія и геологическими періодами.

Но кромѣ указаннаго несоответствія между творческими днями Божиими и моментами естественнаго образованія земли, несоответствія, касающагося собственно первоначальнаго появленія на землѣ того или другаго рода организмовъ по ученію Библіи и свидѣтельству естественной науки, есть между ними еще и другаго рода несоответствіе, которое также, какъ и первое,

служить важнымъ препятствіемъ къ принятію изложенной выше гипотезы соглашенія. Оно состоитъ въ слѣдующемъ. По изображенію Моисея, каждое творческое дѣло Божіе ограничивалось предѣлами одного какого-либо дня, въ который оно было не только начато, но и вполне окончено, не продолжаясь за границы этого дня. Такъ, растенія были окончательно созданы во всѣхъ своихъ видахъ въ продолженіе одного только 8-го дня и именно во вторую его половину, такъ-что уже въ концѣ этого дня они были признаны Творцемъ совершенными; твореніе водяныхъ и воздушныхъ животныхъ ограничивалось однимъ только 5-мъ днемъ, по прошествіи котораго они также получили отъ Творца одобреніе и вмѣстѣ съ этимъ благословеніе плодиться и размножаться и т. д. То же самое должны были-бы представлять намъ и факты палеонтологіи, еслибы, дѣйствительно, каждый день творенія вполне соответствовалъ определенному періоду въ естественной исторіи землеобразованія, какъ это утверждаютъ конкордисты. И въ этой исторіи должно-бы было существовать строгое преемство отдѣльныхъ ея моментовъ, въ силу котораго слѣдующая ступень развитія начиналась-бы не ранѣе, какъ по окончательномъ завершеніи предыдущей: растенія появились-бы не ранѣе, какъ послѣ совершеннаго отдѣленія воды отъ суши и образованіи твердыхъ континентовъ; животные начали-бы свое существованіе только послѣ того, какъ совершенно закончилось развитіе растеній и т. д. Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Результаты научнаго изслѣдованія показываютъ намъ совершенно противное этому. Ископаемые остатки различныхъ организмовъ, открытые въ недрахъ земной коры, приводятъ къ тому несомнѣнному выводу, что развитіе каждой формы органической жизни, начавшись въ известную геологическую эпоху, продолжалось съ тѣхъ поръ непрерывно въ теченіе всей исторіи землеобразованія до самаго конца ея и завершалось только предъ самымъ появленіемъ человѣка, или предъ началомъ историческаго періода. Возьмемъ для примѣра исторію развитія растительнаго царства. Въ первый разъ растенія появляются въ силурійско-девонскомъ періодѣ, гдѣ они представляютъ самую низшую ступень развитія, какъ-бы еще первоначальные зародыши растительнаго царства. Въ слѣдующемъ каменноугольномъ

періодъ вмѣстѣ съ чрезвычайнымъ умноженіемъ въ количественномъ отношеніи они достигаютъ громадныхъ размѣровъ по своимъ формамъ; но несмотря на такое могущественное развитіе въ этомъ отношеніи, они все-таки представляютъ здѣсь типы довольно простой и несовершенной организаціи и относятся по преимуществу къ отдѣлу тайнобрачныхъ, каковы напр., папоротники, хвощи и т. п., которые здѣсь достигаютъ формы и размѣровъ дерева. Но съ теченіемъ времени организація растений усложняется болѣе и болѣе, и они постепенно приближаются въ этомъ отношеніи къ нынѣ существующимъ типамъ. Въ триасовой формаціи являются уже растения изъ отдѣла явнобрачныхъ, по преимуществу хвойныя; въ слѣдующемъ періодѣ встрѣчаются пальмы и т. д. Но всѣ эти растения древнѣйшихъ періодовъ въ большинствѣ случаевъ принадлежать къ такимъ видамъ, которые уже не существуютъ теперь, хотя и близки къ современной флорѣ; и только уже въ ближайшій къ намъ періодъ виды ископаемыхъ растений окончательно сливаются съ современными растительными видами и здѣсь достигаютъ уже высшей, определенной для нихъ Творцомъ ступени развитія своей организаціи. И такъ, исторія развитія растений обнимаетъ собою все геологическое время, въ продолженіе котораго совершалось образованіе напластованной части земной коры—отъ самыхъ низнихъ до самыхъ верхнихъ ея слоевъ, почти современныхъ появленію человека. То же самое мы должны сказать на основаніи палеонтологическихъ фактовъ и относительно времени развитія животныхъ—какъ водныхъ и воздушныхъ, такъ и земныхъ и, въ частности, млекопитающихъ: и ихъ развитіе окончилось также не ранѣе, какъ въ эпоху, предшествовавшую появленію на землѣ человека. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи нельзя признать соотвѣтствія между днями творенія и геологическими періодами; потому что библейскіе дни обнимали собою всю исторію творенія какаго-либо рода организмовъ, отъ начала до самаго конца ея, тогда какъ сопоставляемые съ ними естественные періоды землеобразованія никогда не заключаютъ въ себѣ окончанія исторіи развитія организмовъ, простирающагося всегда за предѣлы ихъ и потому содержать только нѣкоторый отрывокъ изъ этой исторіи не только безъ конца, но даже, какъ мы уже видѣли, иногда и безъ начала. Такимъ образомъ если

сопоставлять между собою исторію образованія органической жизни по Библіи и естественной наукѣ, то каждый творческій день долженъ будетъ соответствовать во всемъ геологическимъ эпохамъ вмѣстѣ, начиная съ сопоставляемаго періода до историческаго времени и потому творческие дни будутъ сливаться между собою по времени, будутъ такъ-сказать параллельны другъ другу. А это, какъ мы уже видѣли, опять противно духу Библіи, строго различающей и раздѣляющей между собою всѣ дни творенія.

Очевидно, и этотъ пунктъ требовалъ какого-нибудь объясненія со стороны конкордистовъ, если только они не хотѣли отказать отъ предполагаемой ими гармоніи между библейскимъ шестодневомъ и дѣйствительными фактами природы; и здѣсь они должны были прибѣгнуть къ какому-нибудь особенному способу согласенія указанныхъ противорѣчій между Библіею и наукою, представлявшихъ весьма сильное затрудненіе для ихъ гипотезы. Такой способъ согласенія библейскаго ученія съ выводами науки въ этомъ пунктѣ мы находимъ у Рейна, одного изъ видныхъ представителей разбираемой гипотезы, старавшагося какими-бы то ни было образомъ устранить несоответствіе между днями творенія и геологическими періодами. Онъ также выходитъ изъ той мысли, что Моисей не имѣлъ намеренія и нужды во всѣхъ подробностяхъ излагать исторію образованія земли съ ея органическою жизнью, такъ какъ это дѣло естественной науки, и на основаніи этого утверждаетъ, что каждый творческій день характеризуется только однимъ какимъ-либо Божественнымъ дѣломъ, что бытописатель въ своемъ изображеніи каждаго дня говоритъ только о томъ творческомъ дѣлѣ, которое наиболее для него характеристично, оставляя безъ вниманія всѣ другіе творческіе акты, которые также совершались въ этотъ день. Такимъ образомъ, твореніе растений характеризуется 3-й день, твореніе водяныхъ и воздушныхъ животныхъ есть характеристическій актъ 5-го дня и т. д., почему эти творческіе акты и относятся Моисеемъ къ названнымъ днямъ. Но если напр., твореніе растений простиралось также и за предѣлы 3-го дня, продолжаясь въ 5-й и 6-й дни, то Библія не упоминаетъ о нихъ при описаніи этихъ послѣднихъ дней только потому,

что они характеризовались другими творческими дѣлами. То же самое нужно сказать и о творческомъ актѣ 5-го дня, если онъ продолжалъ совершаться также и въ слѣдующій день (Bibel und Natur 249 стр.). Нужно замѣтить кстати, что такой-же взглядъ въ сущности былъ высказанъ еще Деличемъ, который утверждалъ, что „дѣла отдѣльныхъ творческихъ дней имѣютъ только основополагающее значеніе, и процессъ происхожденія, начатый ими, простирался также и за предѣлы каждаго дня“, такъ что мнѣніе Рейша, который между прочимъ и самъ ссылается на эти слова Делича, представляетъ только дальнѣйшее и болѣе подробное разкрытіе воззрѣнія этого послѣдняго.

Не нужно особенной внимательности, чтобы видѣть, что и это средство, къ которому прибѣгаютъ конкордансты для поддержанія гармоніи между библейскимъ ученіемъ и естественно-научными фактами, оказывается недостигающимъ своей цѣли, что слѣдовательно, предполагаемое соотвѣтствіе между творческими днями и геологическими періодами по прежнему остается неоправданнымъ и фактически несостоятельнымъ. Трудно согласиться съ тѣмъ объясненіемъ, которое даетъ Рейшъ библейской исторіи творенія, такъ какъ оно прежде всего противорѣчитъ уже самому тексту библейскаго шестоднева, — именно, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о твореніи. По ясному утвержденію Библии, въ третій день были сотворены всѣ роды растений безъ исключенія, начиная съ самыхъ низшихъ и несовершенныхъ формъ, — злаковъ, и окамчивая деревьями, приносящими плоды, которыя представляютъ типы совершеннѣйшей организаціи. Такимъ образомъ, по смыслу этого описанія, третій день (вторую свою часть) обнимаетъ всю исторію развитія растений отъ самаго начала и до конца ея, такъ что это развитіе достигло своего завершительнаго момента въ тотъ же день, когда и началось, и потому въ слѣдующіе дни оно уже не продолжалось, и эти дни были всецѣло посвящены другимъ творческимъ актамъ, исключительно свойственнымъ имъ. То же самое по аналогіи можно заключить и о другихъ творческихъ актахъ Божіихъ. Вполнѣ естественно, что и твореніе какъ морскихъ, такъ и земныхъ животныхъ отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ формъ, по мысли Моисея, совершилось въ теченіе одного только дня, къ которому отно-

сится имъ тотъ или другой творческій актъ. Если же такъ, если действительно Библія изображаетъ весь процессъ развитія и образованія какого-либо творенія отъ начала до конца совершившимся въ предѣлахъ одного опредѣленнаго дня; совершенно исключая этихъ мысль о дальнѣйшемъ продолженіи его въ слѣдующіе дни, — то по какому же праву и на какомъ основаніи Рейшъ утверждаетъ, что Моисей въ описаніи каждаго дня творенія говорить только объ одномъ какомъ-либо наиболѣе *характеристическомъ* для него творческомъ актѣ, оставляя въ сторонѣ всѣ тѣ акты, которые характеризуютъ собственно другіе дни, но продолжались, или повторялись также и въ этотъ день? Текстъ Библіи, такимъ образомъ, ясно показываетъ, что творческіе акты, относящіеся къ тому или другому дню, были не *характеристическими* только для этого дня, но *исключительно свойственными* ему. Если Моисей въ описаніи третьяго дня говорить только о растеніяхъ, а въ описаніи пятаго объ однихъ водяныхъ и воздушныхъ животныхъ, то единственно потому, что каждый изъ этихъ дней Самимъ Богомъ былъ посвященъ одному изъ указанныхъ актовъ, а не потому, что тотъ или другой актъ былъ только характеристическимъ для него. Слѣдовательно, дѣло согласія Моисеева шестоднева съ естественною исторіею земли остается опять въ прежнемъ положеніи. Если сама Библія ясно даетъ понять, что творческіе дни обнимаютъ собою всю исторію развитія усвояемаго каждому изъ нихъ творенія, то при сопоставленіи ихъ съ геологическою исторіею землеобразованія мы должны будемъ допустить, что каждый творческій день соответствуетъ всему человѣческому времени, а не одному какому-либо періоду.

Кромѣ этихъ частныхъ экзегетическихъ данныхъ, къ тѣмъ же самымъ результатамъ приводитъ насъ также и разсмотрѣніе общаго смысла Моисеева повѣствованія о твореніи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію та истина, что Моисей въ своемъ шестодневѣ описываетъ вообще творческое образованіе земли въ человѣческое жилище, а потому и въ частности онъ говоритъ только о сотвореніи такихъ предметовъ, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ человѣку и назначены для его пользованія, т.-е. такихъ, которые или составляютъ для него положительную

необходимость или вообще могутъ принести ему какую-нибудь пользу и служить къ тому, чтобы его жилище было по возможности удобнѣе для обитанія. Такимъ образомъ, по библейскому сказанію изъ царства неорганическаго Богъ творить атмосферу, удобную для дыханія человека, образуетъ континенты, приспособленные для его обитанія, — изъ царства органическаго создаетъ различные роды растений, могущихъ служить ему въ пищу, и животныхъ, способныхъ оказывать ему различныя услуги. Вообще всѣ произведенія Божественнаго творчества, описанныя въ Моисеевомъ шестодневѣ, были приспособлены къ человеку, и такъ какъ они назначались для его употребленія, то должны были существовать одновременно съ нимъ. Говоря проще — въ 1-й главѣ книги Бытія говорится о твореніи природы какъ органической, такъ и неорганической — въ томъ видѣ, въ какомъ должно было застать ее появленіе на землѣ человека и въ какомъ она существуетъ со времени этого появленія — до настоящаго момента. Послѣ каждаго творческаго дня Богъ высказываетъ полное одобреніе вновь явившемуся произведенію Своего всемогущества, указывая этимъ, что *процессъ творенія* того или другаго предмета, или извѣстной формы міровой жизни *окончательно завершился* въ теченіе извѣстнаго дня и въ результатъ своемъ далъ произведеніе вполне согласное съ Божественнымъ намѣреніемъ. Такимъ образомъ, и здѣсь мы опять приходимъ къ тому же выводу, который мы сдѣлали и раньше, т.-е., — что, по мысли самой Библіи, каждый день творенія обнимаетъ собою весь процессъ относящагося къ нему творенія, весь творческій актъ отъ начала его до конца, отъ самыхъ первыхъ его обнаруженій до послѣднихъ результатовъ, представляющихъ высшую степень развитія предмета творенія. Опять, значитъ, не можетъ быть рѣчи о томъ, что Моисей въ своемъ повѣствованіи для каждаго дня указываетъ одно какое-либо дѣло, только какъ *характеристическое*, хотя вмѣстѣ съ нимъ въ тотъ же день продолжали совершаться и другіе творческіе акты, принадлежащіе собственно другимъ днямъ и потому не упоминаемые бытописателемъ. Слѣдовательно, при сопоставленіи библейской исторіи съ естественною исторіею творенія, мы опять принуждаемся одинъ и тотъ же день признать соответствующимъ не одному, а нѣсколькимъ геологическимъ періодамъ, въ продолженіе кото-

рыхъ совершался тотъ процессъ творенія, который относится Библіею къ этому дню.

Итакъ, всѣ старанія конкордистовъ устранить различныя затрудненія, которыя ихъ гипотеза встрѣчаетъ на своемъ пути, остаются безъ всякаго успѣха. Желая примирить ее противорѣчіе съ выводами естествознанія, они сами впадаютъ въ противорѣчіе съ самимъ библейскимъ повѣствованіемъ и этимъ ставятъ свою гипотезу еще въ большее затрудненіе.

А. Неворотовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
